

МАСТЕРА ИСТОРИЧЕСКОГО ДЕТЕКТИВА

СЕРГЕЙ
ЗАЦАРИННЫЙ

ВЕНГЕРСКАЯ
ВОДА

Мастера исторического детектива

Сергей Зацаринный

Венгерская вода

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Зацаринный С.

Венгерская вода / С. Зацаринный — «Издательство АСТ»,
2022 — (Мастера исторического детектива)

ISBN 978-5-17-151986-5

1355 год. Торговец благовониями из Египта бесследно исчезает во время поездки в Золотую Орду. На поиски отправляется его брат. Идя по следу, он все далее углубляется в просторы Великой Степи, пока не оказывается в городе Мохши, затерянном в глухих лесах у самой окраины таинственной Страны Мрака. Ему и его новым друзьям предстоит распутать клубок старинной тайны, завязанный вокруг гробницы некогда могущественной царицы Баялунь, супруги хана Узбека. Ожившая сказка оказывается смертельно опасной.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-151986-5

© Зацаринный С., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

I. Ночь над Каиром	6
II. Ветер не всегда дует, куда хочется кораблю	11
III. В Страну Мрака	16
IV. Перстень княгини Ахейской	20
V. Священное миро	25
VI. Торговец тайнами	30
VII. Нечаянный попутчик	34
VIII. На Золотом Роге	39
IX. Авахав из Сугдеи	43
X. У страха глаза велики	48
XI. Рынок благовоний	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Сергей Зацаринный

Венгерская вода

© Сергей Зацаринный, текст, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

*Настанет день, когда все скрытое окажется явным,
и не найдется у человека помощника,
способного изменить участь, уготованную ему.*
Коран. Сура 86, «Ат-Тарик»

І. Ночь над Каиром

«Шехерезаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи». Давным-давно этими словами старый сказочник прерывал свой неспешный рассказ. На самом интересном месте. Как и сейчас, тогда до рассвета было далеко. Царила ночь, и наступало время ложиться спать.

На улицах Каира сейчас меняется вторая ночная стража. Самое глухое время. Ни огонька, ни души. Только шум ветра в листве и ленивая переключка караульщиков. Величайший из городов, украшение вселенной, спит сейчас там за горизонтом, у подножия усыпанного звездами ночного свода. Далеко во тьме мерцает цепочка огоньков – факелы всадников освещают путь свите султана Захира Баркука, который возвращается в свой дворец.

Я не видел его много лет. Хоть и жили мы в одном городе, но что за дело могущественному повелителю страны Миср, защитнику ислама, до торговца, пусть даже очень богатого? Наши пути проходят по разным местам и никогда не пересекаются. Почти никогда.

Сегодня он вдруг навестил меня. Неожиданно и без всякого предупреждения. Когда я увидел султана, идущего по обсаженной розами дорожке к моему дому, радость смешалась в моем сердце с грустью. Его борода была белой как снег, и я сразу понял, почему он приехал. Он приехал попрощаться. Сразу вспомнилось, что и моя борода такая же седая. Оба мы подошли к тому порогу, когда человеку больше хочется смотреть назад, чем вперед. Потому что почти все позади.

Баркук приехал, чтобы вспомнить прошлое. Хоть и не сказал об этом. Сегодня правоверные третий день отмечают праздник жертвоприношения Ид аль-Адха. За это время они уже угостили соседей и родных, друзей и нуждающихся. Возвращаются будни с их обыденностью и постоянством. Мне посчастливилось принять угощение от самого султана.

Повелитель приехал не один. Он прихватил с собой ходжу Мехмедина Исмаила. Этот преисполненный всяческих достоинств муж неделю назад вернулся из далеких северных стран, куда он был направлен с посольством эмира Тулумена Алишаха. Ходжа побывал у самого золотого престола великого хана Улуса Джучи Тохтамышша и своими глазами видел его падение.

Мы сидели втроем за дастарханом под яркими звездами и слушали страшный рассказ ходжи. Про невиданную в кровопролитии и упорстве трехдневную битву на реке Терек, где сошлось войско Золотой Орды с армией Железного Хромца из Самарканда, когда удача клонилась то в одну, то в другую сторону и солнце победы светило то Тимуру, то Тохтамышу. Как закатилась счастливая звезда надменного хана и рухнуло под копыта врага его злосчастное царство.

Египетские послы едва унесли ноги. С большим трудом они сумели добраться до Каффы. Порт Тана в устье Дона уже стал пепелищем и обителью мертвецов, откуда можно теперь отплыть только в царство теней. Заняв огромные деньги у ростовщиков, посольство сумело попасть на корабль, унесший из этого горнила бед.

Спасавшиеся в Каффе от победоносного войска безжалостного Тимура рассказывали, что Тохтамыш с остатками приближенных бежал куда-то в северные леса, а неприятель гнался за ним по пятам, обращая земли на своем пути в пустыни, усеянные костями. Последним известием было, что железный эмир достиг земель русов, откуда повернул к стоящей на великой реке Итиль столице Золотой Орды Сараю.

Ночь была теплой, в листве перекликались ночные птицы, легкий ветерок доносил аромат цветов из сада. Было тихо и хорошо. Страшной сказкой, какими щекочут воображение скучающих завсегдаев уютных базарных харчевен, казался рассказ ходжи.

– От русских к Сараю две дороги, – после недолгого молчания сказал султан, – одна через Укек, вторая через Бельджамен.

– Обе они идут через Мохши, – добавил я.

Мне все стало ясно. Почему султан вдруг приехал меня поздравить, зачем привез ходжу Исмаила. Он хотел вспомнить прошлое. Плевать, что тогда он не был султаном и у него не было даже халата, только ношенный тулуп из овечьей шкуры зимой и летом. Перед ним не расстилали вышитую шелками скатерть, не уставляли ее изысканными лакомствами. Все равно за прошедшие сорок лет Баркук так и не полюбил сладости, отдавая предпочтение жареному мясу, как в бедняцкой юности.

Мне было уже понятно, что он попросит дальше.

– У тебя есть венгерская вода?

Я засмеялся:

– Сейчас ее везде называют «вода венгерской королевы».

На лице султана не дрогнула ни одна жилка. Он так и не промолвил ни единого слова, даже не пошевелившись, пока по моему приказу слуга нес флакон с эликсиром. Баркук капнул себе немного на ладонь и поднес ее к лицу, закрыв глаза. Ничто так не оживляет память, как запах. Я понимал, что сейчас он унесся на сорок лет назад, в далекий северный город, затерявшийся в глухих лесах бескрайнего улуса Джучи.

Потом он сунул флакон за пазуху, быстро поднялся и стал прощаться. Путь до Каира неблизкий. Глядя на его ссутулившуюся под гнетом прожитых лет спину, я подумал, что, может быть, больше его не увижу. По крайней мере в этой жизни. Он султан, я купец. У каждого из нас своя дорога.

Приказав перенести кушанья на крышу, я поднялся следом и долго смотрел, как в темноте удаляются огни факелов. Теперь они едва мерцали, словно упавшие на землю звездочки.

Вот тогда мне и вспомнились слова из моего детства.

До рассвета еще далеко, а значит, не закончилось пока время сказочника.

Все земные судьбы изначально начертаны огненным каламом. Неспроста именно сейчас мне была прислана весточка из минувшего далека. Зачем? Когда рухнуло в прах великое царство и стали теньями его обитатели, руинами его города, почему эта весть через моря настигла меня в моем далеком уединении и пробудила воспоминания?

Может, для того, чтобы я не дал им уйти вместе со мной, а оставил грядущим поколениям? Если так, то сейчас самое время. До рассвета еще далеко. Нужно позвать писца с чернильницей и бумагой, и когда над пустыней начнет восходить солнце, на листы ляжет еще одна сказка, которую, возможно, рассказчик когда-нибудь прибавит к тем, что составляют драгоценное ожерелье Тысячи ночей.

Память моя ослабла. Давно минувшие события перемешались с недавними, былое с услышанным, прочитанным и приснившимся. Что с того? Ведь это будет сказка. Пройдет совсем немного времени, и уже никто не сможет разделить, что в ней правда, а что вымысел. Даже сейчас я не знаю, кто из участников этой истории жив, кроме нас с Баркуком. Да и нам осталось недолго.

Сорок лет назад в дремучих лесах у самых дверей Страны Мрака в царстве могучего хана Джанибека мне рассказали о мудреце, который много лет искал истину, иссушая свой разум науками, а закончил век простым сказочником, скрывая даже свое настоящее имя.

Да и что такое истина?

Вот я говорю, что история эта случилась сорок лет назад. Но сейчас на дворе 797 год от переселения Пророка нашего в Медину. А тогда был 756-й. Сорок лет я считаю по летоисчислению христиан. Так удобнее. Они меряют жизнь по солнцу, и март у них всегда весна, а январь – зима. Сейчас у них октябрь. Октябрь 1395 года. А тогда был март. Я точно помню, когда началась история, которую я собираюсь рассказывать. Третьего марта 1355 года. У нас это был месяц сафар. Она началась на этом самом месте, где я сижу сейчас. На крыше старого родового дома, куда меня позвал мой дед.

Тогда тоже была ночь. Здесь на крыше вообще мало что переменялось. Даже кресло, где сидел дед, старинное тяжелое широкое кресло из драгоценного черного дерева, стоит там же, где и тогда.

Мои предки всегда любили дорогие прочные и надежные вещи, которые пережили времена и поколения. Сам этот дом построен больше двух веков назад к югу от Каира, где мой прапрадедуська присмотрел красивое место, куда в пору разлива доходят воды Нила. О том, почему он не захотел жить в городе, а поселился в усадьбе на довольно приличном расстоянии от него, говорили разное.

Одно из семейных преданий гласило, что прапрадедуська часто проводил время среди безмолвных древних развалин, что лежат у самого края пустыни в паре фарсахов от нашей усадьбы. Искал не то сокровища, не то тайные свитки. Только что может найти маленький слабый человек среди этих поражающих воображение руин? Не для того древние мудрецы воздвигли эти горы из камня до самых небес, чтобы до их содержимого мог добраться простой смертный.

Хотя часто приходилось слышать рассказы о счастливицах, которые попадали там в таинственные подземелья, полные несметных сокровищ. Некоторым даже удалось выбраться на свет божий с мешком золота. А сколько их сгинуло безвестно в подземных лабиринтах, знают только злые духи пустыни, что прячутся среди мертвых камней.

Странная тяга к неизвестному вообще была у нас в роду. Может, она пошла от имени? Тарик. Меня наше родовое прозвище волновало с самого детства. Особенно то, что так называется одна из сур Корана. В ней говорится о звезде, манящей своим светом, и о пути, предначертанном каждому от рождения до дня Суда.

Мне все время казалось, что в нашем имени кроется некий тайный смысл. Хотя мой дед, который, несмотря на свой великий ум, рассудительность и деловую хватку, был человеком веселого нрава и любил давать всему простые объяснения, часто говорил, что оно просто означает «ночной странник». Предки наши жили в Йемене и часто ходили с караванами. Иногда из-за сильной жары в пустыне идти приходилось по ночам. Отсюда и прозвище.

В детстве мне нравились рассказы о караванщиках, которые идут ночами, глядя на путеводную звезду. Часто, выходя ночью в сад или забираясь на крышу, я смотрел на бездонное небо, сияющее таинственными письменами, смысл которых способны познать лишь посвященные. Одни читают по ним пути караванов и кораблей, другие – судьбы людей и царств. Путешествующие по южным морям и пустыням всегда чтили звезду Сухейль. Ее еще называют Йеменской. Она указывает направление на юг.

Мои предки тоже жили на юге, в Йемене. В благословенной Счастливой Аравии. С незапамятных времен они торговали ладаном – драгоценной благоуханной смолой, которую собирают с деревьев в тамошних горах. Несколько веков купцы из рода Тарик везли его караванами в города Сирии и Египта. Может, и само имя их – это искаженное «тарин» – благовония? Кто знает.

Опять бесплодная любовь к мудрствованию уводит меня в сторону от прямого пути. Хотя так ли он хорош, этот самый прямой путь? Если идти по нему, то и в имени нашего рода тоже нет ни тайны, ни загадки. Звали Тариком далекого предка – чего проще? Где тут сияющая звезда, указывающая путь каравану в бескрайней ночи? Сказочные благовония, нагруженные на спины неторопливых верблюдов? Утоптаные веками караванные тропы? Ладанный путь – само название как волшебная сказка. Случайно ли он проходит через священную Мекку, Город Пророка и Иерусалим? До тех пор, пока в здешних краях не появились франки, мои предки каждый год проходили этот путь, словно совершая паломничество.

Потом времена поменялись. Армии рыцарей с крестами на плащах захватили святой город Иерусалим. Купцы, пилигримы, просто странники из закатных стран и раньше не были редкостью в сирийских портах, а теперь они стали хозяевами.

В соборах и церквях франков при богослужении курили ладан.

Один из моих предков сразу сообразил, что теперь можно торговать напрямую, и перебрался поближе к тамошним портам, в Египет. Дела сразу пошли в гору. Да и сама жизнь в Каире открывала невиданные доселе возможности.

Мудрейший ибн-Хальдун, часто устаивающий меня своей беседой, вспоминал, что, когда он еще жил в Магрибе, один путешественник сказал ему: «Воображение обычно превосходит увиденное воочию, ибо воображение безгранично, вот только Каир превосходит всякое воображение». Ведь это не только город чудес и богатств, это еще город знаний и наук.

Торговцы благовониями окунулись здесь в мир алхимиков и москательщиков. Этот мир, мало понятный непосвященным, изобиловал тайными тропами, которые нередко уводили в самые неожиданные места. Ароматы и снадобья, загадочные эликсиры и чудодейственные бальзамы. Теперь помимо ладана на складах рода Тарик появились мускус и амбра, диковинные травы, а число служащих пополнили москательщики и аптекари. Покупателями теперь часто были евнухи, управляющие гаремами, дипломаты и иностранные гости.

Мой дед был очень богатым и влиятельным человеком. В ту пору, о которой пойдет речь, ему выпала нелегкая участь поднимать из руин вековое дело предков. За несколько лет до этого страшная эпидемия чумы оборвала нити бесчисленного количества человеческих жизней, смешав судьбы целых царств.

Я был еще мал, но хорошо помню тот ужас, который объял тогда всех. Обезлюдели города, тела валялись на улицах, и уже ни во что не ставились старые меры и ценности. Все думали, что настал конец света, и готовились только к худшему.

Всевышний милостив. Страшный мор ушел, мертвых похоронили, живые вернулись к своим заботам.

Торговле был нанесен огромный урон. Покупателей стало мало, мало товаров. Что-то сильно выросло в цене, что-то упало.

Я плохо представляю дела деда в это время. В меня, видимо, вселился дух моего любознательного прапрадедушки, и я с самого детства тянулся к знаниям и наукам. Заметив это, дед не стал требовать, чтобы я обучался наследственному ремеслу торговца, и отослал меня в медресе при мечети Аль-Азхар в Каире, где я и блаженствовал вдаль от мирской суеты, среди мудрых книг и собеседников. Родителей моих унесла чума, но были другие внуки, которые со всем рвением готовились взять в свои руки семейную торговлю благовониями.

Поэтому, когда весной 756 года за мной прибыл посланец от деда с требованием немедленно приехать к нему, я удивился.

Тогда жизнь в Каире только-только вошла в прежнее однообразное русло после беспорядков осенью прошлого года, когда эмиры свергли султана Салиха и посадили на его место султана Хасана. В государстве всем стал заправлять главнокомандующий-атабек Шайчун. Нас, простых смертных, это мало касалось. Власть делили постоянно, на троне и возле трона все время что-то менялось. Мне и в голову не приходило, что срочный вызов как-то связан с придворными делами.

Отсюда начнется мой рассказ. Но перед этим я по старой привычке взгляну на звезды.

Как и тогда, светит на юге путеводная Сухейль, через весь небесный свод протянулся Соломенный Путь. Он уходит туда, где за утонувшим во тьме краем земли лежит холодная Страна Мрака, над которой царит неподвижная Альрукаба. О чем меня предупреждали в то время и что говорят теперь эти прекрасные вечные письмена?

Тогда была весна и не было видно одну из звезд, которая сейчас зловеще мигает мне с вышины. Имя ее Алголь. Злой дух. Блеск ее переменчив, и сегодня она сияет особенно ярко. Значит ли это, что сейчас в подлунном мире торжествуют силы зла? Звездочеты знают, что пройдет всего пара дней, и блеск ее уменьшится. А зла не станет меньше.

Светила не правят нашими судьбами. Они лишь помогают нам не заблудиться на этой грешной земле. Сказано: «Он поставил звезды для вас для того, чтобы по ним вы во время темноты на суше и на море узнавали прямой путь».

Мои предки в своих ночных странствиях по знойным южным пустыням всегда обращались к звезде Сухейль со словами: «Укажи нам путь!» Эти слова запали мне в душу с самого детства. Каждый раз в часы сомнений или при начале нового дела я повторял их как заклинание. Сорок лет назад я так же произнес их, хотя дорога моя лежала в противоположную сторону, в Страну Мрака, над которой царит недвижимая Альрукаба.

Вот и сейчас, обратив свой взор на север и устремившись туда мыслью и душой, прежде чем на бумагу лягут первые строки моего рассказа, я говорю: «Звезда Сухейль! Укажи мне путь!»

II. Ветер не всегда дует, куда хочется кораблю

Посланцы от деда прибыли на исходе дня. Я вышел после предвечернего намаза и сразу увидел их со ступеней мечети. Солнце уже приобрело медный оттенок, а его лучи, заливающие площадь, стали тусклыми. Высокая мрачная фигура с лицом, закрытым куском ткани, бросалась в глаза даже в сутолоке каирской толпы. Это был Симба – чернокожий невольник моего деда.

Мальчиком его купили на рынке Адена у торговцев, привозивших рабов, слоновую кость и эбеновое дерево из таинственной страны зинджей. Они дали ему имя Симба, ибо он происходил из племени бесстрашных охотников, живущих в самом сердце Земли Черных. Отважные воины, не имевшие иного имущества, кроме скота, и не знавшие другого богатства, кроме отваги, держали в страхе купцов, ищущих тропы к сокровищам этого сказочного края. Говорили, что ни один юноша у них не может называться мужчиной, пока не убьет льва одним только ножом.

Никто не отваживался проникнуть в их края, а пленники из этого племени были чрезвычайно редки и столь же чрезвычайно дороги. Имя Симба означало «лев» на языке зинджей. Так и называли невольника, продаваемого как особый редкий товар, чтобы набить цену. Несколько лет его обучали боевому искусству где-то в Сирии, поговаривали даже, что в одном из исмаилитских замков. Там Симба приобрел привычку закрывать лицо платком. Дед держал его всегда при себе. Возможно, именно потому, что тот хорошо изучил все приемы тайных убийц.

За все эти годы Симба не стал хорошим наездником, так и не полюбив верховую езду. Сейчас он, спешившись при первой же возможности, держал коней под уздцы.

Его спутник остался в седле. Здесь, на площади возле мечети, он привлекал всеобщее внимание своей заморской суконной шляпой, надетой поверх чепца-бегуина. Человек в одежде франка был нечастым гостем возле Аль-Азхара, и если все остальное скрывал дорожный плащ, то головной убор бросался в глаза издали.

Это был человек, положение которого я не смогу описать даже сейчас, когда знаю о нем намного больше, чем тогда. Вряд ли его можно было назвать работником или компаньоном, хотя отчасти он был и тем и другим. Я знал, что он занимается алхимией, таинственнейшей из наук. Одно это предавало его фигуре в моих глазах едва ли не более зловещий ореол, чем угрюмая мрачность Симбы. Звали его Самит. Молчальник. Кто очарован дивными сказками прекрасной Шахерезады, сразу вспомнит, что это имя болтливого цирюльника, рассказывавшего о себе и своих многочисленных незадачливых братьях.

Нашего Самита на самом деле звали Мисаилом. Самит было прозвищем, которое подходило к нему лучше любого другого. Может ли быть более подходящее имя для алхимика? «Храни тайну от непосвященных!» всегда было девизом этого ремесла.

Кроме того, Самит хорошо знал язык кипчаков. В стране, где кипчаками были сам султан, его эмиры, любимые жены и самые доверенные лица, где из кипчаков состояли лучшие отряды, решавшие, кому править, а кому быть в опале, это знание открывало многие пути.

Дед часто брал его с собой переводчиком на встречи с важными людьми.

Несколько лет назад, когда впал в немилость проклятый ибн Зунбур – христианин, вкравшийся в доверие к султану и прибравший к рукам едва не весь Египет, по Каиру пошла волна избиения его единоверцев. Тогда толпа набросилась на бедного Самита прямо на улице, привлеченная его нездешним платьем. К счастью, он увидел проезжавших невдалеке мамлюков и закричал им по-кипчакски. Этого было достаточно, чтобы те, выхватив сабли, устремились на выручку.

Смутное время осталось в прошлом, но Самит по сей день не любил покидать надежные стены дома, принадлежащего моему деду.

Едва я приблизился, он сказал:

– Тебя срочно требует к себе твой дед. Меня тоже. Симба только сейчас прискакал.

Мой дед был мудрым человеком. Очень предусмотрительным. А для предусмотрительного, как известно, не бывает неожиданностей, как для запасливого – черных дней. Никогда он не тревожил меня вот так внезапно, да еще на ночь глядя. Значит, что-то случилось. Что-то из ряда вон выходящее.

Уже садясь на подведенную Симбой лошадь, я подумал: что может связать меня с молчаливиком-алхимиком, проводившим дни в вызывании духов веществ и стихий? Знания, к которым стремился я в медресе, лежали совсем в ином мире. В мире людей и идей.

Когда мы выехали за городские ворота, уже совсем стемнело, из пустыни за Нилом потянуло холодным мраком. От полнолуния прошло совсем немного времени, и ночное светило залило окрестности призрачным сиянием. Можно было скакать быстрее.

Ежась от холода и лая шакалов, раздававшегося во тьме за придорожными кустами, я силился угадать причину этого внезапного вызова. Совершенно ясно, что с этим как-то связан Самит. Что могло одновременно коснуться меня и его?

Я вспомнил, что отец Самита некогда служил в какой-то конторе у венецианцев в Александрии захудалым приказчиком на побегушках. Потом его судьба в одночасье переменялась. Он разбогател.

Откуда бедолаге, неведомо почему мыкавшемуся за морем, вдали от родных краев, привалило богатство, я не знал. Только распорядился он им в высшей степени неожиданно. Вместо того чтобы завести свое дело в Александрии, где было много соплеменников, он убрался оттуда подальше. В Каир. Где стал компаньоном моего деда, передав ему свои деньги. Ходили слухи, будто причиной тому была его жена, ставшая вхожей к самой царице Тогай, супруге великого султана Насира. Потом страной завладели эмиры-кипчаки, а мать Самита принадлежала к знатному кипчакскому роду. Вроде даже приходилась самой царице дальней родней.

Отец отвез тогда Мисаила за море, в землю франков, в учение. Там он прожил почти десять лет. Потом, когда в Великую чуму умерли его родители и младшие братья, дед, узнав место пребывания юноши, отправил ему письмо с этой горестной вестью. Предложил выкупить долю отца и отослать деньги. Но Самит приехал сам.

Тогда у него еще не было этого прозвища и все завали его Мисаилом. Дела у деда после чумы только-только шли на поправку. Проживший много лет в чужих странах юноша оказался совсем непригодным к торговле, зато хорошо разбирался в таинствах и особенностях превращений и скрытых свойствах веществ. Воистину бесценное умение для тех, кто имеет дело с волшебным миром благовоний.

Поселившись в одном из наших каирских домов, юноша с головой ушел в постижение законов и тайн царства ароматов. Он обзавелся целой лабораторией необычных сосудов, замысловатых печей, диковинных склянок и трубок всех размеров и форм, надежно укрытой в задних комнатах от посторонних глаз. Я даже побывал там однажды с одним из учителей нашего медресе, подобно Самиту занимавшемуся великим искусством алхимии. Таких тоже было немало под стенами Аль-Азхара, особенно среди изучавших врачевание. Самит общался с ними, бывало заглядывал в медресе, навещал меня, передавая весточки от деда, с которым часто виделся.

Помню, какое неизгладимое впечатление произвела на меня тогда его лаборатория. Блеск потускневших медных шаров, соединенных друг с другом, стеклянные сосуды, наполненные разноцветными жидкостями, очаг, верх которого был окован металлическими листами. Коробочки, ящички, мешочки, пучки трав под потолком. Но самым необычным и зачаровывающим был запах. Это была ни на что не похожая смесь ароматов и зловоний, сразу переносившая посетителей в какой-то иной мир, где царят совсем другие законы, которые нельзя выразить словами.

Едва вдохнув этот запах, ты начинал неумолимо ощущать присутствие невидимой, но могущественной силы, заточенной опытной рукой в плен всех этих баночек, коробочек, в медные темницы блестящих кубов и сосудов, за прозрачные стенки бутылок и склянок. Запечатанные силой тайного знания яды, приворотные зелья и одурманивающие снадобья, вселяющие силу или навевающие печаль ароматы затаились до поры до времени в своих убежищах, как джинны, ожидающие желанного часа свободы.

Особенно меня поразило количество ламп. Больших и малых, металлических и стеклянных. Почему-то сразу вспомнилась сказка про Ала ад-Дина.

Нередко потом, уловив где-нибудь аромат необычных благовоний, я ловил себя на мысли, что они, быть может, родились вот в такой лаборатории, силой покорных джиннов, выпущенных из запечатанных волшебными заклинаниями сосудов. Кто знает, как далеко заходит их власть, незаметно проникающая в человеческое тело и ласкающая душу? Тех моих учителей, что увлекались врачеванием, этот вопрос занимал очень сильно.

Только какое отношение все эти алхимические тайны могли иметь ко мне? Я никогда не занимался наукой превращений.

Самит знал много языков. Особенно часто в делах деда ему пригождался кипчакский. За десять лет учения за морем выучил тамошние наречия и латынь – язык мудрости франков. Ничто из этого не имело никакого отношения ко мне.

К тому времени, когда мы подъехали к воротам дедовского дома, в мою голову так и не пришло ни одной мысли, которую я мог хотя бы отвергнуть, что наполняло душу неуверенностью и трепетом. Самит всю дорогу тоже молчал. Впрочем, что с него взять? Молчальник – он и есть молчальник.

Было уже за полночь, и ущербная луна переместилась далеко к северу. Зато путеводная Сухейль засияла на юге со всей силой. Стало совсем холодно. Со дня на день из пустыни подует горячий хамсин, который на два месяца наполнит воздух смесью зноя и песка, но сейчас ночью даже в дорожном плаще было зябко. Когда мы добрались до цели, тревожные думы из моей головы уже совсем вытеснили мысли о покинутой в Каире уютной комнате, где пышет теплом жаровня с углями и сытно пахнет приготовленная на ужин курица с рисом.

Поэтому первое, что уловил мой замерзший нос у ворот, был запах кебаба, долетавший из дома.

Дед ждал нас на крыше. Он сидел в старинном кресле из черного дерева между двумя жаровнями, полными раскаленных углей. Светильники не горели, только в стороне курилось какое-то благовоние. Пахло мятой. Дед всегда вдыхал этот аромат, когда много думал перед принятием важного решения.

Едва ступив с лестницы, я ощутил сильный запах корицы от чашки на столе. Значит, дед пил гешир – напиток из абиссинских ягод, которые ему привозили из Йемена. Они прогоняли сон и вызывали прилив бодрости.

– Ты, наверное, привык видеть этот напиток в руках дервишей, собирающихся молиться всю ночь до утра? – усмехнулся дед, в свойственной ему манере говорить так, как будто он шутит. – Только дело не терпит отлагательства. Я уже сделал необходимые распоряжения, и теперь мне нужно только ваше согласие. Пропал Омар.

Омар был мой двоюродный брат, в отличие от меня избравший стезю торговца. Именно он готовился взять в свои руки наши семейные дела после деда. В прошлом году он отправился в Константинополь, но до сих пор от него не было никаких известий. Собственно, он должен был вернуться прошлой осенью. Весть о его исчезновении уж никак не требовала спешки и срочной беседы среди ночи.

Дед указал нам с Самитом на стол с блюдом ароматного кебаба и отхлебнул из чашки.

– Я пригласил вас обоих для того, чтобы вы отправились на его поиски.

Дед выдержал долгую паузу, давая нам оправиться от изумления, и ласково продолжил:

– Вы ешьте, ешьте. А я пока расскажу всю эту историю с самого начала. В прошлом году один знакомый купец отправился за рабами в улус Джучи. Дорога дальняя, морем. Сначала до Константинополя, потом до Каффы или Таны. Торговля эта нешуточная, ибо рабы идут на пополнение армии. Главный покупатель – казна. Деньги здесь ворочаются немалые. Вот Омар и позарился. Заодно меня, старого дурака, с пути сбил. Для покупки рабов нужны деньги, поэтому торговцы обычно берут с собой товары для продажи, чтобы с выручки все и купить.

Омар придумал взять на продажу благовония. Обычно мы их сдаем посредникам в здешних портах. Ладан, например, идет к франкам, нам туда хода нет. К грекам тоже. Вот Омару и пришла в голову мысль попробовать добраться до Сугдейского моря. Там властвует хан Джанибек, они с нашим султаном друзья. До христианских земель рукой подать. Это же золотое дно! В каждом храме ладан курят. Дела сейчас после чумы плохо идут, покупателей мало. А купец тот поедет с султанской дорожной грамотой, кто его тронет? Вот так отправил я Омара с грузом ладана. Ровно год назад. Но вернулся тот купец осенью один.

Дед задумался, печально глядя на бесстрастную луну. Это была только присказка.

– Все было в порядке. Рабов купец привез, взял хорошую цену, со мной расплатился по полной. Передал привет от Омара. Сказал, что тот остался там еще по каким-то делам. По каким, неведомо. Торговый промысел таков, что здесь никто никого не выспрашивает – только если сами рассказывают. Что-то очень выгодное наклюнулось. Страна дальняя, неведомая. Всяко бывает. Зимой через море пути нет. Я думал, летом Омар вернется. А сегодня пришло письмо из Трапезунда. С караваном привезли. Заемное, на имя Омара. Прислали здешнему меняле.

Дед снова замолчал. По мере рассказа голос его становился все более суровым, и от былой шутиливой манеры не осталось и следа. Настоящий купец не может шутить с деньгами. Возможно, опытный делец уже все понял бы из этого рассказа, но мы с Самитом были далеки от всех торговых тонкостей. Это понимал и дед. Тяжело вздохнув, он продолжил:

– По этому письму я должен выплатить почти тридцать тысяч иперперов. Сумма огромная. Кредитор не стал дожидаться оплаты, перепродав долг тамошнему меняле. По какой причине тот не попытался получить долг с самого Омара там, в улусе Джанибека? Ведь это было бы намного проще, да и выгоднее. Раз меняля переслал письмо сюда в Каир, значит, никакой возможности решить все на месте у него не было.

Выразительно помолчав, он закончил:

– А раз сам Омар не приложил своего письма, то значит, и его судьба неизвестна. Он пропал.

Ветры часто дуют не туда, куда хочется кораблю. Эти слова деда, сказанные той ночью, я запомнил лучше всего. На всю жизнь. Он сказал их, когда я стал отказываться. Тогда мне все это казалось каким-то безумием.

Ехать куда-то за тридевять земель, на край света. В страну, языка и обычаев которой я не знаю. Зачем? Если с Омаром что-нибудь случилось, то уж я точно не смогу ему помочь. Он старше и намного опытнее меня в жизни и в делах. Разве не лучше нанять знающего человека, умеющего распутывать зловещие тайны?

– Что бы там ни случилось, никто не в силах помочь, кроме правителя той страны. Это земля ислама. Хан Джанибек имеет мусульманское имя Махмуд. На своих монетах он пишет «султан правосудный Джелал эд-Дин», что означает «величие веры». Кто знает, что за узел там запутан? Может, его можно только разрезать? Тогда придется просить защиты и помощи у хана. Кому пристало это делать, как не родственнику? Ты несколько лет изучал законы, поэтому сможешь достойно выступить перед тамошними кади.

Кроме того, тебе придется действовать там от моего имени, с моей печатью. Это слишком большая ответственность и великий риск, чтобы я мог положиться на чужого человека. Что

может взбрести ему в голову, когда он окажется за три моря отсюда, вне досягаемости здешних властей и законов?

Тем более все, чего я хочу, – это чтобы ты достиг пределов царства Джанибека и подал заявление о пропаже Омара. Больше ничего. Тебе не нужно куда-то совать нос. Мало того, я это тебе строжайше запрещаю!

Голос деда дрогнул, и он заговорил тише и проникновенней:

– Мне самому не хочется тебя туда посылать. Но другого выхода нет. Если Омар не найдется, тебе все равно придется принимать мои торговые дела. Моих детей унесла чума. Остались только вы – два внука. Конечно, есть еще зятья, но мне хотелось, чтобы наше семейное дело и дальше носило имя Тариков. Кроме того... Не буду тебя обманывать. Дела мои не так уж хороши. Мне сейчас нечем платить этот долг. Вряд ли удастся и занять нужную сумму для его погашения. Выход один – отказаться платить под предлогом, что сделка была заключена незаконно. Я уже сказал об этом меняле, сообщив, что послал своего внука выяснять обстоятельства дела.

Слов нет – дед был настоящий делец. Уж если он раскинул сеть, то не оставалось ни малейшей лазейки.

Вот тогда, похлопав меня по плечу, он произнес те самые слова, врезавшиеся в мою память на всю жизнь. Эта бесхитростная поговорка подействовала на меня сильнее, чем мудрые речи о неизбежности судьбы и превратности предначертаний.

Словно в подтверждение неожиданный порыв ветра вздул пламя на углях жаровен.

Я почувствовал, что корабль моей жизни понесло куда-то в неизвестность.

III. В Страну Мрака

Древние говорили: человек может быть живым, может быть мертвым и может плыть по морю. То есть он еще не умер, но и живым его считать неблагоприятно. Плывущий по морю идет по грани между жизнью и смертью. Лучше всего справедливость этих слов чувствуешь в ветреную ночь на борту корабля, ушедшего вдаль от берега. Когда качаются стены и пол под ногами, скрипят снасти и ты всеми поджилками ощущаешь, что от бездны тебя отделяет только обыкновенная доска.

Я лежал в трюме, закутавшись в плотный плащ из грубой шерсти, и думал.

Рядом со мной спали Самит и Симба, за зыбкой перегородкой ворочали тяжелыми веслами гребцы, а прямо над головой слышались шаги кормчего, управлявшегося с рулем. Палубы у нашего корабля были только на носу и корме, остальную часть прикрывал лишь навес из циновок. Кают тоже не было. Путники, доверившие себя воле волн, ютились посреди грузов, укрытых в трюмах от превратностей непогоды. В этот раз нас, пассажиров, было всего трое.

Корабль шел в порт Лимасол на Кипре. Это был шейти, принадлежавший александрийскому патриарху. Ему предстояло взять там на борт ценный груз: кувшины какого-то особенного вина, которое делали рыцари ордена святого Иоанна Иерусалимского в своем замке, в паре фарсах от гавани. Самит сказал, что оно называется королевским с тех самых пор, как его по достоинству оценил французский король Филипп, прибывший сто лет назад в наши края освобождать Гроб Господень. Вино отличалось сладостью, крепостью и особенным вкусом, а самое главное, переносило долгую перевозку и хранение. То, что оно долго не закисло и не портилось, будучи откупоренным, делало его очень удобным для причастия в христианских храмах.

Самит, которому были не впервой морские путешествия, едва ступив на палубу, сразу неодобрительно буркнул, что этот корабль больше похож на пиратский. Места для груза мало, зато большая команда, попеременно сидящая на веслах. Это позволяло двигаться с большой скоростью и не зависеть от ветра, а еще при нужде легко превращало гребцов в абордажную команду или десант. Благо осадка у судна тоже была низкая и давала возможность подходить близко к берегу, не опасаясь мелей. Еще это позволяло тайком принять или выгрузить товар вдали от гаваней и таможен, не платя положенных пошлин. Скорее всего, с драгоценным кипрским вином на обратном пути так и поступят.

Нам до всего этого дела не было. В Лимасоле мы покидали корабль вместе с несколькими ящиками белого оманского ладана, предназначенного для того самого командорства ордена Иоанна Иерусалимского. Продавцом значился управляющий александрийского патриарха, который должен был закупить столь необходимое для причастия королевское вино.

Запрет папы римского на торговлю с Египтом создавал купцам некоторые трудности. И если здесь на Востоке коммерсанты попросту плевали на все эти церковные условности – в Александрии было множество франкских контор и даже целый укрепленный фондук для хранения их товаров, – то кастелянам рыцарских замков, которые принадлежали католическому ордену, приходилось соблюдать условности, торгуя через греческих или армянских посредников.

Впервые после того самого разговора с дедом, который так резко переменял мою жизнь, у меня появилось время спокойно подумать. До этого все крутилось и менялось в страшной спешке и суматохе.

Дед не зря говорил, что все подготовил. Оказалось, что распоряжения уже отправлены голубиной почтой нашему управляющему в Александрии, и там нас ждали все необходимые бумаги и вещи. В путь отправились немедленно, в ночь, прихватив с собой по паре самых

лучших лошадей на смену. Так и скакали без отдыха. Немудрено, что мои спутники сразу заснули, едва оказавшись на судне.

Я же наконец, радуясь покою, предался размышлениям.

В голове потихоньку начинал раскладываться весь план деда. Прежде всего я задумался о причине такой странной спешки. Старый опытный лис сразу заподозрил неладное. Заемное письмо было выписано неким купцом Авахавом из Солхата. Кто был этот загадочный торговец, рискнувший огромной суммой, да еще в делах с пришельцем из-за тридцати земель? Почему Омар не обратился к меняле? Ведь, судя по тому, что этот самый Авахав без проблем перепродал потом долг, у тамошних кредиторов не было сомнений в платежеспособности заморского гостя.

Франки торгуют по всему Востоку, у них конторы и в Крыму, и в Египте. Очень может быть, во всем этом замешаны те, кто сидит здесь, в Александрии. Что у них на уме и что кроется за всем этим?

– Кто знает? – печально сказал дед, пока мы разделялись с остатками кебаба на крыше его усадьбы. – Может, весь расчет как раз на удаленность Крыма от Египта?

Он помолчал и сказал жестко, с видимым усилием и каким-то чужим голосом. Так говорят, когда не хотят, но приходится.

– Заставили купца подписать заемное письмо, самого убили, а долг перепродали еврейскому меняле, который спокойно сможет его взыскать через своих соплеменников в наших краях. Обычное дело. Я так и сказал меняле, который пытался получить с меня деньги. Он сразу все понял. Если я пойду в суд и изложу там свои сомнения, ему легко оказаться под подозрением в соучастии. Дальше все уже зависит от судьи. Ты ведь много лет изучал право – знаешь, как оно может причудливо изгибаться. Если судья заподозрит соучастие всерьез, можно надолго оказаться за решеткой и близко познакомиться с палачом. Поэтому умный меняла не стал спешить вешать это дело на ворот своего халата. Он согласился подождать, пока придут известия о судьбе Омара, и даже со своей стороны помочь узнать правду. Вот возьми, – дед протянул сложенную и прошитую шнуром с печатью бумагу. – Это письмо к тому самому меняле, который перекупил письмо. В нем просьба оказать тебе содействие.

После этого можно было бы уже ничего не говорить. Я сам все понял. Если кто-то не хочет, чтобы правда в этом деле выплыла наружу, то сделает все, чтобы я не добрался до Крыма. Дальше – просто. Чтобы не попасть в засаду, нужно бежать быстрее охотника.

Легче всего доплыть отсюда до улуса Джучи на генуэзских или венецианских кораблях. С пересадкой в Константинополе, а то и напрямик от Александрии до самого Крыма – ходили и такие. Но это как раз тот случай, когда самый привычный путь одновременно и самый опасный. Если кто пойдет по моему следу, он как раз и будет искать меня на этой дороге. Тем более, что время работает на него. Генуэзским кораблям их закон не разрешает выходить в море зимой. Только с пятнадцатого марта. Значит, почти через две недели.

Вот с этого места старый хитрец и начал путать следы. Он отправил своего управляющего к генуэзцам, зимовавшим в Александрии, чтобы договориться о моей поездке в Константинополь или Каффу, но в то же время тайно переговорил с верным человеком из окружения патриарха, предложив быстро и без лишней огласки отправить партию ладана на Кипр, в обмен на вино.

Привычные к секретам монахи умели хранить тайны, но дед даже здесь принял меры предосторожности. Мое имя даже не прозвучало. На Кипр отправлялся поверенный Мисаил из Пальмы. С двумя слугами. Все выглядело очень пристойно и не вызвало подозрений. Кого же еще посылать к франкам, как не их соплеменника? Благо он имел наследственные дела с домом Тарик.

В тот же день ладан был погружен на борт быстроходной шейти вместе с нашими дорожными вещами, а вечером прибыли и мы.

Помня о предостережении деда, я внимательно осмотрел гавань, когда мы ее покидали. На ночь глядя, да еще при усиливавшемся ветре, в море, кроме нас, не вышел ни один корабль.

Мисаил, к которому теперь надлежало обращаться только по имени и с надлежающей почтительностью, как к хозяину, спросил у капитана, когда мы доберемся до Кипра. Тот сердито пробурчал, что не надо раздражать шайтана и строить планы, отправляясь в плавание. Однако один из матросов, не столь суеверный, как его начальник, шепнул нам, что, если все будет в порядке, нам придется просидеть в тесном трюме всего две ночи.

Был еще виден удалявшийся берег, залитый медными лучами заходящего солнца, темнели высокие деревья, и совсем рядом безразлично дремали в вековой пыли развалины древнего маяка. Корабль уверенно резал волны, мерно подрагивая в такт гребкам весел.

Мысль о том, что человек в море ни живой, ни мертвый, полезла в голову, только когда стемнело. Мрак обступил корабль со всех сторон, небо покрыли тучи, и лишь звуки царили во тьме, заполнившей мир. Страшные и непонятные звуки, которые даже не замечаешь при свете дня. Зловещий скрип мачты, ровный плеск весел и ветер. Нечеловеческий грозный посвист из непроглядной бездны.

Сразу пришли на ум слова из десятой суры: «Когда они плывут при благоприятном ветре, тогда радуются этому; а когда застигнет их буйный ветер, когда со всех сторон настигнут их волны и представится им, что они поглощены будут; тогда они призывают Аллаха».

Я вдруг ощутил себя песчинкой на ветру судьбы.

«В Его власти корабли с поднятыми парусами, плавающие в море, как горы».

Разве это только про море? Вчера вечером я не торопясь шел на предвечерний намаз мечеть нашего медресе, дома меня ждала жареная курица и недочитанный свиток с мудрыми мыслями. С кем-то я благодушно попрощался до завтра на ступенях. А через мгновение увидел Симбу и Самита. Съел ли хоть кто-нибудь мой остывший нетронутый ужин сегодня утром?

Как приятно было вспоминать свою теплую мягкую постель, лампу с добавленной в нее благовонной смолой, так уютно освещавшую мою уединенную келью! Шелест огромных платанов в ночной тишине. Теперь это в одночасье стало прошлым. Милым, дорогим и ушедшим. Вернусь ли я туда? Может, потому так приятно думать о нем, что будущее мое неясно и полно неожиданностей. Только Всевышний знает, что ждет меня впереди.

Я поправил под головой сумку, которую дал дед. Все остальные вещи ждали нас на корабле, и только ее он вручил лично. Там было его любимое снадобье из тех самых абиссинских ягод, дающих бодрость и снимающих усталость. Их варили в жире и, добавив сахар, скатывали в застывшие шарики. Весьма полезная вещь в дальней дороге.

Еще там лежал пакет с бумагами. Кроме запечатанного послания менялы к своему соплеменнику-единоверцу в Каффе, здесь была точная копия самого заемного письма. На отдельных листках опытный резчик печатей срисовал подписи. В кошельке, висевшем на шее, хранилось самое ценное: перстень с печатью и подписанный кади документ, в котором говорилось, что я уполномочен действовать от имени деда.

Мне предстояло добраться до Константинополя, где я должен был обратиться к тамошнему патриарху Филофею. Давным-давно, еще молодым монахом, он бывал в наших краях, направляясь в монастырь святой Екатерины на Синае. Тогда и познакомился с дедом в караване, следующем в сторону Дамаска. Потом, когда странствующий монах сделался у себя в Романии сначала настоятелем большого монастыря, а потом и митрополитом где-то во Фракии, это обернулось выгодными торговыми связями. Церковь испокон века была самым крупным покупателем ладана. Теперь старый знакомый деда сидел на самом Патриаршем престоле. Часть ладана в наших ящиках предназначалась ему в дар, вместе с просьбой дать проезжую грамоту в Крым. Это было самое большее, что дед мог для меня сделать. Дальше я уже должен был действовать сам.

Только теперь, на склоне лет, я понимаю, с каким тяжелым сердцем он отпускал меня тогда. Привыкший все держать в своих крепких руках и предусматривать всякую неожиданность, дед вынужден был положиться на желторотого юнца, не сведущего в делах и не имеющего опыта в жизни.

– Все, чем я могу тебе помочь, – сказал он на прощание, – это сделать твой путь до улуса Джучи безопасным. Если будешь делать все, как я велел, доберешься туда без особого риска. Дальше тебе придется действовать самому. Поэтому крепко запомни мое наставление – будь осторожен! Царство Джанибека считается землей ислама, но само оно лежит у самого края Страны Мрака, о которой рассказывают столько небылиц. Поэтому будь готов к любым неожиданностям. И помни – ничто не сгубило столько людей, сколько самонадеянность. Я простой купец, пытающийся узнать судьбу своего внука, пропавшего в тех краях. Чтобы ты хорошо представлял, как сложна эта задача, расскажу тебе, что это некогда оказалось не по зубам самому великому султану Насиру.

Лет сорок назад жил в наших краях генуэзец Сигурано Салваиго. У нас его звали Шакран. Вот зовут же Мисаила Самитом. Был он очень большой человек. И страшно богатый. Сам султан Бейбарс именовал его братом. В великой милости он остался и при Насире. Однажды Шакран отправился в улус Джучи с кораблем, полным всякого товара. Больше его никто не видел. Ханом там тогда был Узбек. У нас с ним была великая дружба, незадолго до этого его племянница стала женой нашего султана. Поэтому первое же посольство ко двору хана попыталось выяснить, что случилось с купцом. Ответом было, что он стал жертвой пиратов, укрывающихся на островах. Однако ходили и другие слухи. Многие облеченные доверием люди говорили, что это сам Узбек велел казнить Шакрана и забрать его товары. То ли обидевшись за то, что султан развелся с его родственницей и отдал ее в жены своему подданному, то ли из-за наветов своего любимца и наставника шейха эн-Номана, крепко повздорившего с султанскими эмирами во время своего приезда в Египет. Истина так и осталась сокрытой. Судьба Сигурано Салваиго неизвестна и по сей день. Одно можно сказать наверняка – генуэзца погубила самонадеянность. Он привык считать опасности уделом маленьких людей, дрожащих перед городскими кади и придорожными разбойниками, а себя считал избранником и баловнем судьбы. Она жестоко посмеялась над ним.

Пусть эта история послужит тебе уроком. Всегда помни о судьбе несчастного Шакрана, пока твоя нога будет ступать по земле хана Джанибека. Опасность там может исходить как от преступников, так и от власти.

Дед был очень мудрым человеком. Он пережил многих султанов, всех своих детей и даже всех внуков, кроме меня. Теперь я понимаю, что и из этого своего путешествия к самому порогу Страны Мрака я вернулся живым только потому, что мой дед все предусмотрел. Тогда я еще не обо всем догадывался. Лишь потом мне вспомнились его любимые слова: у предусмотрительного не бывает неожиданностей.

Впрочем, не буду забегать вперед, как это обычно делают плохие рассказчики.

IV. Перстень княгини Ахейской

Плыть по морю скучно. Куда ни кинь взгляд – только ровная морская гладь. В трюме тесно – не походишь. Только и остается есть да спать. Благо верный Симба прихватил с собой целый мешок съестных припасов: лепешек, жареных цыплят, соленых маслин, козьего сыра и даже целый бурдюк с кислым молоком. У него был еще приличный запас бастурмы, но ее мы оставляли на потом, стараясь разделаться с теми продуктами, что быстро портятся.

Если не спишь или не ешь, главным образом приходится лежать на ящиках, заложив руки за голову, и смотреть на лучи света, пробивающиеся сквозь щели в палубе. Выспавшись за день, потом не можешь уснуть ночью, и тогда во мраке тебя одолевает страх и сознание своей ничтожности и беспомощности. Хорошо хоть, спутникам моим тоже не спалось и можно было прогонять дурные мысли разговорами.

Древние говорили: «Имя есть знак». Сменишь имя – сменишь судьбу. Вместе с прозвищем Самит у Мисаила стала уходить привычка постоянно молчать. Или его тоже давил этот ночной полог неизвестности? За долгое плавание к берегам далекой страны хана Джанибека мы с ним о чем только не говорили. Он даже потихоньку учил меня кипчакским словам.

Избрав стезю искателя знаний, я приложил немало усилий к изучению языков. Вот только, будучи человеком книжным, уделял больше внимания чтению, чем разговору. Отдавая должное мудрости франков, учил латынь, которая была для них языком познания и власти. Но без особого усердия. Зато греческий знал хорошо, благо в Каире всегда можно было найти собеседника, тоже владеющего этим языком.

Мисаил же был наполовину кипчаком.

Наш первый ночной разговор начался еще по пути на Кипр. Меня беспокоила мысль, как наш кормчий находит путь в этом беспросветном мраке, когда не видно звезд. Да и вообще ничего не видно.

– Хитрость невелика, – засмеялся Мисаил. – У него наверняка есть путеводная стрелка, которая всегда указывает на звезду Альрукаба. Такие стрелки закрепляют на хорошо отполированную ось, в надежно закрытом корпусе. Главное, чтобы ничего не мешало им свободно вращаться. Иначе будет сильная погрешность. Никогда не видел? У вас в медресе они в ходу у звездочетов и рисовальщиков карт.

Пришлось признаться, что все эти годы я уделял больше внимания богословию, истории и праву, чем познанию тайн брэнного мира. Хотя меня всегда привлекало искусство исчислений. Которое я относил к философии.

– Наука о числах есть царица всех наук, – отвечал на это Мисаил.

И добавил:

– Мой отец любил так говорить. Он был в молодости рисовальщиком карт. У меня дома остался очень хороший дорогой компас, принадлежавший ему. Жаль, я не смог забрать его в дорогу, – кто же мог предвидеть, что так получится. Глядишь, пригодился бы.

Мне приходилось видеть Мисаилова отца. Его звали Санчо. Санчо из Пальмы. Он жил в Каире и часто заходил к нам по делам. Это был красивый и веселый мужчина, который всегда дружелюбно улыбался. Мне он нравился. Загадочная история о внезапном богатстве придавала этому всегда изысканно и со вкусом одетому человеку привлекательной таинственности.

Я сказал об этом Мисаилу. Тот засмеялся:

– Тень часто бывает намного больше самого предмета. Незнание всегда порождает таинственность. На самом деле все куда проще. Деньги ему дал мой дед. Отец матери. Он прибыл из-за моря, из того самого улуса Джучи, куда мы сейчас направляемся. Хорошо помню, что его тогда почему-то называли улус Берке. Кажется, так звали первого тамошнего хана-мусульманина. Я очень хорошо запомнил эти дни, потому что моя жизнь тогда резко переменялась.

Был самый конец лета. Помню, отец прибежал домой страшно взволнованный и закричал матери: «Сегодня прибыл посол к нашему султану от хана Узбека! Знаешь, кто это?» Потом они шептались вполголоса. А на следующий день меня повели к деду. Это был уже очень старый человек, который едва сумел подняться, когда мы вошли. Помню, как он заплакал, увидев меня, и сказал: «Как ты похож на свою бабу!» Рядом с ним стоял суровый немолодой мужчина – брат моей матери. Он ничего не говорил.

Потом родители сказали, что дед звал их с собой, в далекую Золотую Орду, где он – могущественный вельможа, начальник ханской охоты. И у меня замирало сердце от страха и сладостного предвкушения. Еще через три недели мне сообщили, что дед умер в Каире. Его похоронили в усыпальнице эмира Сусуна. Тот ведь был тоже родом из Золотой Орды и в молодости даже был знаком с моим дедом.

Плавание наше до Крыма было долгим, и мы много о чем наговорились, прогоняя корабельную скуку. Грядущее не пугало Мисаила, как меня. Для него это во многом было возвращением, ведь он плыл на родину своих предков. Где-то там жили родственники матери. Может, еще жив и тот самый суровый дядя, которого Мисаил видел в детстве? Кто знает? Ведь в тех краях тоже свирепствовала чума, выкашивая целые семьи.

Дед Мисаила был ханского рода. Потомком самого Чингисхана. Только какой-то младшей ветви. Был в большой силе и почете у Узбека. Звали его Урук-Тимур. Мать Мисаила была его любимой дочерью. Самой младшей. Ее мать умерла рано, и всю свою любовь старый эмир перенес на осиротевшую Райхон. Баловал, исполнял любые желания. Потом вышла история, чем-то напоминающая сказку, какие любят рассказывать вечерами скучающим обитателям гаремов.

Когда хан Узбек со всем своим двором и приближенными летом кочевал в степи, в лагере объявился прекрасный чужестранец. Он приходил в гости к старому эмиру, рассказывал его женам веселые истории о неведомых дальних странах. Потом, когда все уже вернулись на зиму в столицу, раскинувшуюся на берегах великой реки, он пришел снова.

Отец Мисаила служил тогда торговому дому Барди. Это те самые банкиры, разорение которых за несколько лет до Великой чумы заставило содрогнуться весь христианский мир. Во времена, когда ветреный Санчо оказался в царстве Узбека, они стояли возле самого папского престола, и под их дудку плясали короли. Бывший школяр, изучивший на Мальорке и в Монпелье искусство рисования карт, был отправлен на край света, как раз чтобы тайно собрать для арагонских картографов сведения об этой загадочной стране.

Рассказывая, Мисаил смеялся, вспоминал, что и ему самому все это поведал отец вот так же, в скуке корабельной каюты, во время плавания из Александрии в страну франков. До этого о прошлом родителей он не знал почти ничего. Мал был. Возможно, если бы не долгий путь морем от берегов Египта до Мальорки, может, так никогда ничего и не узнал бы. Тогда отец предавался воспоминаниям всю дорогу. Словно чувствовал, что они больше никогда не увидятся.

Мисаилу было едва семь лет, когда его оставили в городе Пальма на Мальорке на попечении ученого человека, призванного подготовить его к поступлению в университет в Монпелье. Для чего предстояло изучить не только латынь, но и местное наречие, ибо мальчик совсем не знал языка франков. Дома родители говорили на кипчакском – мать понимала только его. На улице был в ходу арабский. Это оказалось к лучшему. Лишенный общения со сверстниками, мальчик на новом месте с головой ушел в науки и весьма в них преуспел. Вот только в Монпелье он так и не попал. В тот год, когда юноша собрался туда, на Мальорку пришла чума. Она унесла не только старого наставника, но и едва не половину жителей города. Мисаил остался без крыши над головой, покровителя и средств к существованию. В этом отчаянном положении его и застал посланец моего деда. Не колеблясь ни мгновения, юноша решил отправиться в Египет.

Теперь ветер судьбы снова подхватил его и понес в дальние края. Уже на родину матери. Мисаил нисколько не жалел о родных краях отца, где и сам провел всю свою юность. Близких у него там не осталось, друзей он не завел. Это были годы упорной учебы, когда пестрая и крикливая Александрия казалась потерянным раем. Скучал по отцу, матери, младшим братьям. А когда вернулся, не застал ничего. Только семейный склеп на христианском кладбище, устроенный заботами моего деда. В александрийском доме, где прошло счастливое беззаботное детство, жили чужие люди.

– Вернулся с чужбины на чужбину, – грустно пошутил Мисаил. – Ни семьи, ни родины, ни отчего дома. Хотя вроде грех жаловаться. Был достаток, возможность заниматься науками. Есть ли еще город на земле, где они процветают более, чем в Каире? Со временем мне даже стало нравиться быть чужаком. Мудрец-одиночка, как колдун из сказки. Даже о женитьбе не помышлял. Часто вспоминал, как отец всю дорогу, в долгих корабельных разговорах повторял, что все зло в жизни идет от женщин. Они искушают и сбивают с пути. Это еще в Библии сказано, причем в самом начале. Не внемлем...

История женитьбы родителей Мисаила была и впрямь необычной. Его отец, познакомившись с дочкой эмира Урук-Тимура, который в ту пору был ханским сокольничим, развел с ней самые настоящие амурсы в духе рыцарских романов. Даже устроил тайную переписку с помощью голубей. Вот только за любовной игрой двух юных сердец следили другие люди. Опытные интриганы, ловившие золотых рыбок в мутных водах интриг и злодейств. Они хитростью и обманом выманили доверчивую девушку и похитили ее. А к самому Санчо подослали убийцу. Спасло его чудо. Точнее, роскошный плащ, который, надо же такому случиться, был украден у незадачливого влюбленного прямо перед тем, как злодеи должны были повстречаться с ним на темной улице. В результате юноша не только уцелел, но и, сумев найти похищенную возлюбленную, бежал с ней из царства Узбека.

Рассказывая об этом, отец Мисаила смеялся:

– Самое смешное, что плащ этот, который меня спас, подарила другая баба. Из-за которой меня и упекли за тридевять земель в Золотую Орду.

Эта история тоже походила на сказку. Или на рыцарский роман. Однако отец ее не рассказывал Мисаилу. Только прихвастнул как-то мельком – любил-де я, бывало, и королев. Да тут же прикусил язык. Даже в уединенной каюте, вдали от посторонних ушей, на корабле, затерянном среди моря, испугался.

Сам мальчик и не заметил тогда этой отцовской оговорки. Вспомнил о ней уже годы спустя.

– Мой наставник был известным в тех краях алхимиком, – рассказывал Мисаил. – Он изучал в молодости медицину в Салерно и много времени уделял составлению разных сборников. Года за два до чумы он засобирался в Неаполь. Пообщаться со старыми знакомцами, посмотреть новые книги. Заодно съездить в Салерно. Такие поездки обычно длились месяца два. Меня он взял с собой. Вот там, в Неаполе, нас и пригласили к одной заболевшей даме. Наставник мой сразу засуетился, и я понял, что персона очень важная. «К ней нужно обращаться „Ваше величество“, – предупредил он. И, подняв уважительно палец, добавил: – Родная сестра французского короля, да и сама – княгиня Ахейская. Еще и императрица Константинопольская, помимо всего прочего. Только это пока один титул. Константинополь еще у схизматиков отвоевать нужно». Надо сказать, был он человеком весьма злоязыким и любил подпустить острое словцо. Но – умен. Да простит ему Всевышний дерзновение разума.

Спутник мой замолчал, а я его не торопил. Спешить было некуда, а все это походило на начало красивой сказки. Мисаил тем временем вытаскивал что-то из-за пазухи и долго держал перед лицом в сумраке трюма.

– Больная была красивой женщиной лет сорока. Годы мало состарили ее, но болезнь покрыла ввалившиеся щеки бледностью. Видно было, что дела ее плохи и она не встает с

постели уже не первый день. Наставнику моему она обрадовалась и, улыбнувшись, приветствовала его как старого знакомого. «Когда-то ты стоял у ложа моей матери при моем рождении и вот теперь пришел проводить». Голос ее был совсем слаб, и слова эти не казались кокетством. Они еще о чем-то переговаривались, пока наставник щупал ей пульс и задавал обычные врачебные вопросы. Потом он указал на меня и произнес: «Это сын Санчо из Монпелье». Слова произвели на больную сильное воздействие. Она даже с усилием приподнялась на подушках.

«Подойди», – приказала она и долго, внимательно вглядывалась в мое лицо. Потом протянула руку и погладила по голове. «Ты совсем не похож на своего отца. Наверное, пошел в мать. Как тебя зовут?» Я ответил. «А кто твоя мать? Санчо ведь отправили тогда в страну татар». Я сказал, что моя мать татарка. Женщина засмеялась и сказала: «Я в какой-то мере твоя крестная. Если бы не я, твои родители никогда бы не встретились». Она опять откинулась на подушки и спросила: «Где сейчас Санчо?» За меня ответил мой наставник: «Он живет в Каире. Торгует благовониями. Его жена – принцесса из рода самого Чингисхана». «Вот как, – засмеялась женщина, – везет ему на принцесс. Нужно было родиться рыцарем».

Она неожиданно попросила вина. Не торопясь, смакуя, выпила целый бокал. «Твое искусство бессильно. От смерти нет лекарства, а я чувствую, что ко мне пришла именно она. Но я рада, что увидела тебя. Ты смог принести мне весточку из молодости». «Какая же это была молодость? – возразил мой наставник. – Тебе тогда было тридцать лет».

«Твой отец был моим секретарем, мальчик, – обратилась она ко мне. – Я тогда только овдовела и была еще не такой старой, как представляется твоему наставнику. Мне был нужен мужчина. Красавец-секретарь – чего проще. Правда, длилось это совсем недолго. Власть – страшное бремя. Она сама выбирает нам мужей и даже любовников. Любовь в этом мире лишь часть политических интриг. Мне тогда подобрали любовника по государственной необходимости. Банкира из Флоренции. Когда увидишь отца, передай ему привет от Екатерины. Просто Екатерины – не княгини, не императрицы. К тому времени я уже буду там, где титулы не имеют никакого значения».

Я уже подумал, что история закончилась, но Мисаил продолжал:

– Потом она вдруг стала говорить о своей матери. Тоже Екатерине и тоже императрице, которую она почти не помнила. Та умерла, когда нашей Екатерине было всего лет пять. «Когда я уже стала девушкой, одна из придворных дам, близких к матери, поведала мне ее сердечную тайну. Оказывается, она с юных лет была влюблена в пажа арагонского принца, который приезжал к ним с посольством. Потом этот юноша уехал на Восток и стал там рыцарем ордена тамплиеров. Ей хотелось думать, что он тоже любил ее, но не признался, потому что ему не позволила честь. Матери он казался Тристаном, а она себе Изольдой. Она всегда хотела узнать, что с ним случилось. Странная судьба матери и дочери. Наши возлюбленные уехали на Восток. Правда, мой возлюбленный был настоящий, а мать свою любовь придумала. Такая любовь всегда сильнее. Мать до самой смерти хранила перстень, который ей привезло в подарок то арагонское посольство. Когда вручали дары, его передал тот самый юный паж. Потом перстень достался мне. Я не хочу, чтобы он, хранящий любовь моей матери, попал в чужие бесчувственные руки. Передай его своему отцу. На память от меня». Она засмеялась: «Или подари его любимой девушке. Я буду рада. – Екатерина немного помолчала и добавила: – Жаль. Мне всегда так хотелось знать, что стало с тем арагонским рыцарем. Его звали Хайме».

Уже потом в гостинице я стал расспрашивать у моего наставника об этой истории. Он отмахнулся – давно было, быльем поросло. Был Санчо секретарем у царственной вдовы. Дело житейское. Ему бы знать свое место да ворковать потихоньку, а он стал щеголять в плаще, золотом шитом. Вот дальновидные люди и услали его куда подальше. От греха. Чтобы под ногами не путался. Вокруг ахейской княгини тогда флорентийцы вились. Один из них, из семейства самих Аччайоли, и метил в сердечные друзья к Екатерине. Дела у них были большие

на Востоке. Санчо пристроили в дом Барди. Те тогда вообще королями вертели, как своими вассалами.

На следующий день посыльный принес мне тот самый обещанный перстень. Когда наставник рассмотрел его, то сразу сурово приказал: «Спрячь и никому не показывай. Никому про эту историю ни гугу. Перстню этому цены нет. Это рубин стоимостью не в одну сотню флоринов. Смотри, чтобы он не стал для тебя тем, чем шитый золотом плащ для твоего отца». Вот с тех пор я и ношу этот перстень на ленточке на шее. Ты первый, кому я про него рассказал.

С этими словами Мисаил протянул мне предмет, который держал перед глазами. Это был тяжелый золотой перстень, с камнем, напоминавшим в сумраке трюма загустевшую кровь. Когда на него сквозь щель в палубе упал луч света, самоцвет вдруг вспыхнул, как угасающий уголь на ветру. Таинственно и зловеще.

– Ее звали Екатерина де Валуа-Куртене.

V. Священное миро

Лимасола мы достигли только на третий день пути. Помог крепкий попутный ветер, давший отдых гребцам и прибавивший хода нашему кораблю. В гавань вошли, когда уже начинало темнеть, поэтому пришлось провести еще одну ночь, лежа на ящиках в трюме. Едва взошло солнце, на корабль прибыл портовый чиновник со стражниками. С капитаном он говорил по-гречески, а с Мисаилом перебросился несколькими фразами на непонятном мне наречии. А потом мы наконец сошли на берег.

Еще в Александрии мы не только распределили роли, но и сменили платье. Я надел обычную тунику, чтобы походить на грека, а Симба избавился от своей чалмы, закрывающей лицо. Походить в королевстве крестоносцев на исмаилитских федаев было по меньшей мере неразумно. Тем не менее он сохранил свое арабское одеяние с просторными шароварами. Кстати, я заметил, что его черная кожа не вызвала на кипрских улицах никакого интереса. Видимо, уроженцы Африки не были здесь такой уж редкостью.

Собственно дел у нас в Лимасоле не было. Мы собирались добраться до Фамагусты на восточном побережье острова, чтобы найти там корабль до Константинополя. После того как полстолетия назад крестоносцев изгнали из Сирии, тамошний порт стал одним из крупнейших на Востоке. Туда перебрались генуэзцы, венецианцы, армяне, каталонцы и множество всякого народа, чье благосостояние ковалось морской торговлей. Там можно было встретить купцов и банкиров, паломников и рыцарей, монахов, посланников из самых дальних стран. И все они прибывали на остров и покидали его на кораблях. От Лимасола дотуда было два дня пути.

Принять вино и отдать партию ладана должен был капитан, после чего у нас оставалась еще часть груза для Константинополя. Поэтому нам были нужны выючные лошади, которых требовалось найти побыстрее, чтобы двинуться в путь в тот же день. Легче всего было нанять их прямо в порту, но рачительный Мисаил сказал, что здесь обычно бывают самые грабительские цены, и решил отправиться на какой-нибудь постоялый двор за городом. Заодно и размяться хорошенько после трехдневного сидения в тесном трюме. Я с радостью поддержал эту идею.

Однако, едва мы вышли за ворота порта, нам преградил путь высокий человек в широкой дорожной шляпе. Он почтительно поклонился и спросил по-гречески:

– Это вы привезли сегодня груз ладана от александрийского патриарха?

Незнакомец был одет в длинный кафтан, довольно теплый, хоть и без рукавов, а на ногах его красовались сапоги, которые сразу навевали мысль о дальней дороге.

– Меня зовут Савва, я прибыл сюда с Афона. – Он улыбнулся еще шире и с явным удовольствием добавил: – За вином. Рад встретить единове́рца и собрата по торговле.

Человека явно не смущало латинское платье собеседника.

Мисаил сразу обратил на это внимание:

– По одежде ты больше похож на православного.

Чем несказанно повеселил нового знакомого:

– Так и есть. Но я не зря добавил про собрата по торговле. Мы оба торгуем тем, что нужно для христианского богослужения. Независимо от конфессии. Мне сказали, что ты представляешь старую добрую контору Тарик, которая поставляет ладан и благовония. Вино для патриарха только сопутствующий товар. Я тоже прибыл сюда за вином, и тоже для патриарха. – Он подмигнул. – Я как раз закончил сделку, и у меня в гостинице есть прекрасный образец товара, который я и предлагаю попробовать. Вы ведь только с корабля, и наверняка ваши желудки устали от сухоядения. Это в двух шагах отсюда. Мне удалось договориться об очень выгодной цене и хочется отметить удачу. Угощаю! Окажите честь.

Мне вдруг стало не по себе. Я вспомнил предостережение деда о грозящей опасности, о засаде, которая может ждать в пути. Мы ведь только-только сошли на берег! Неужели нас уже поджидали? Я покосился на Симбу. Наша безопасность была на его попечении. Но его лицо было бесстрастно, как у истукана из древних развалин. Похоже, Мисаила обуревали те же мысли:

– У тебя какое-то дело ко мне? – поинтересовался он.

– Конечно! – расхохотался Савва. – Ты, я вижу, сразу догадался об этом, услышав про угощение. Хочу с тобой поговорить, и разговор этот действительно очень важен. Уверю тебя, лучше вести его за блюдом нежной баранины, чем на пыльной улице, среди любопытных глаз. – Он осекся. – Я совсем забыл, что сегодня пятница. Но ведь мы с тобой в пути. А на странствующих пост не распространяется.

Тут он уже совершенно бесцеремонно ухватил моего товарища за рукав:

– Пойдем, пойдем. Слуг я тоже угощаю. Здесь всего два шага.

И он указал рукой, куда нужно идти.

В конце концов, поесть было нужно. Вот только не хватало из-за христианского благочестия жевать какие-нибудь вареные бобы или тушеную капусту вместо жареной баранины.

Харчевня действительно оказалась в двух шагах. Мы с Симбой сели за отдельный стол, причем Симба расположился лицом к входу и не стал снимать плащ, скрывающий фигуру. Скорее всего, под ним пряталось что-то еще. Новый знакомый сразу своей рукой налил нам в стаканы вина из кувшина. Я не вызвал у него подозрения, а вот арабское одеяние Симбы, напротив, заставило немного поколебаться. Потом он, видимо, решил, что если чернокожему пить не позволяет вера, то его долю выпьет сотрапезник.

Оба стакана тут же с удовольствием осушил Симба, привыкший к запретному питью у исмаилитов.

От усыпанной зеленью баранины исходил возбуждающий аромат чеснока. За моей спиной новый знакомый беседовал с Мисаилом.

– Ты ведь торговец благовониями? Мне нужен твой совет. Я приехал с Афона. Слышал про такое монашеское царство? Вот-вот. Святая гора. Со времен Василия Македонянина обиталище одних монахов. Эдакое царство не от мира сего. Туда и повезу вино из Колосси для причастия.

– Откуда? – не понял Мисаил.

– Ты, видно, впервые здесь? Колосси, так замок называется, в котором вино делают, за которым ты приехал. Вот его мы сейчас с тобой пробуем. Отменный напиток, надо признать. Не зря его королевским называют. Только не о нем сейчас. А про то самое царство, что не от мира сего. Трудно, понимаешь, от него уйти, от этого мира-то. В миру свои земные владыки. А у них свои царства и порядки. Про раздрай среди православных слышал? Если коротко, то был у нас некогда один патриарх – константинопольский. Все бы ничего – знай молись, так нет. Крепко он сидит под рукой ромейского императора. Значит, хочешь не хочешь, гнет его политику. Не всем владыкам земным это нравится. Особенно тем, кто уже давно посильнее будет этого самого императора. Болгарскому царю, сербскому. Вот они и завели в своих царствах отдельных патриархов. И то сказать, с самим титулом уже накладки выходят. Сербский король Стефан недавно себя императором объявил. Пока согласился, чтобы на молитвах его поминали после Царьградского, так ведь – дай срок.

– Совет мой тебе в чем нужен?

– Ты ведь не грек. Не то сразу бы заметил, что я по-гречески говорю не чисто. Серб я. Да и то сказать, что сама Святая гора сейчас хоть и обитель монашествующих и не от мира сего, а находится под рукой короля Стефана. Теперь уже императора. Со всех сторон этой горы его владения. В монашеские дела он, конечно, не лезет, даже всячески монастырю покровитель-

ствует. Вот это самое вино для причастия на его деньги куплено. Только ведь и своего патриарха он не зря ставил.

Савва отодвинул блюдо с бараниной и старательно вытер руки о платок. Разговор заходил о деле.

– Так вот в этих самых церковных делах есть такая важная вещь, как миро. Благоухающее масло, которое применяют в очень важных таинствах. Кроме всего прочего, нужно оно при рукопожатии священников, во время освящения храмов и алтарей. Варят его в присутствии самого патриарха и рассылают по епархиям и приходам. Раньше всегда это делалось в Царьграде. Теперь своих патриархов завели. – Савва сделал паузу и со значением провозгласил, воздев указательный палец: – А мира-то нету!

Помолчав немного и дав собеседнику прочувствовать всю важность положения, он продолжил:

– Кое у кого в храмах и епархиях от прежних времен еще осталось в мирницах миро из Константинополя. Болгары пытаются использовать масло, истекающее от чудотворных реликвий. Только все понимают – долго так продолжаться не может. Кто хочет свою церковь с патриархом, должен варить свое миро. А дело это непростое.

– Теперь я, кажется, понимаю, зачем здесь нужен торговец благовониями.

– Чего уж не понять? Миро есть благовонная смола. Всякие там канонические вопросы, кому можно варить, кому освящать, – не нашего ума дело. Пусть святые отцы со своими канонами и правилами сами разбираются. Наше дело – именно благовонная смола. Дело это тайное, трудное и важное. Самое главное – благоухать должно. Чем дольше, тем лучше. Некоторые обряды ведь вообще раз в жизни проводятся.

– Проще говоря, нужно масло, которое будет не только благоухать, но и обладать большой стойкостью.

– В том все и дело. У ромеев обширный опыт по этой части. Они в благовониях большие доки. Только держат все в страшном секрете. Вот и нужно найти человека, сведущего во всех этих эссенциях и субстанциях. Хорошего алхимика. Но не только искусственного в науке превращений, но и понимающего толк в благовониях. Говорят, такие есть у арабов, в Каире. Ты ведь из тех краев прибыл. Благовониями занимаешься. Я как услышал вчера вечером, что в гавань пришел корабль александрийского патриарха с грузом ладана, так с самого рассвета тебя у портовых ворот караюлю.

– Вряд ли я смогу тебе чем помочь. Сам я в Каире окажусь не скоро.

– Ты разве не отплываешь обратно с этим кораблем?

– Нет. Я уезжаю в Фамагусту, чтобы найти корабль до Константинополя.

Я спиной почувствовал, как Савва насторожился:

– В Константинополь? Есть еще товар?

– Да.

– Времена сейчас плохие. Там сейчас ветер по кошелькам гуляет. У самого императора, не только у подданных. Можно прогореть. Да и опасно. Плыть-то, поди, хочешь с генуэзцами или венецианцами?

Мисаил молча кивнул.

– А у них сейчас между собой война. Бьются не на жизнь, а на смерть. Без пощады. Захватывают корабли друг у друга. Купцам сплошной убыток. Недавно шли торговцы отсюда с Кипра в Крым. Плыли на генуэзском корабле. Так их по пути венецианцы захватили. До сих пор в плену сидят и товаров лишились. А ведь совсем сторонние люди – подданные татарского хана Джанибека. Он, говорят, в гневе велел венецианцев у себя в царстве хватать со всем имуществом.

– Как же лучше до Константинополя добираться?

Савва торжествующе засмеялся:

– Вот и выходит, что лучше меня тебе попутчика не найти. Корабль мой из порта Фессалоники, это уже Романия, но вокруг сейчас владения сербского короля. Венецианцам он союзник. А плыть по большей части вдоль их берегов. Отсюда на Крит, потом на Негропонт, оттуда на Афон. Со Святой горы до Царьграда уже рукой подать. Опять же помогу. Мне тебя прямо бог послал. – Он понизил голос, приняв заговорщицкий вид. – Ты пойми. В деле этом прямой интерес короля Стефана. Если ты ему поможешь, его люди в долгу не останутся. Да и твои торговые дела внакладе не будут. Свой ладан сербскому патриарху куда вернее продашь. Да еще знакомство заведешь на будущее. Ладан ведь и дальше нужен будет. Будешь возить его прямо в Фессалоники.

– Мне нужно в Константинополь.

– Никуда не денется твой Константинополь! Поможешь мне – помогу тебе. У меня верных людей там полно. От тебя ведь ничего и не потребуется. Посмотришь те рецепты, что у сербских варшиков есть, подскажешь, что из этого можно где покупать или чем заменить. Посоветуешь, к кому обратиться в Каире, если что. Может, и сам возьмешься переговоры с тамошними людьми вести – не бесплатно же. Дело государственное, важное – денег не пожалеют. Ты думаешь, я сюда за вином приплыл? Это для отвода глаз. По этому самому делу и прибыл.

Савва в сердцах хлопнул ладонью по столу:

– Соглашайся! Тебе же все равно в те края плыть. Я тебя бесплатно доставлю, да еще за безопасность поручусь. Да что я! За мной сам король Стефан.

Действительно, никакой серьезной причины отказываться от столь выгодного предложения у нас не было. Это сразу понял и Мисаил.

– Ты когда отплываешь? – поинтересовался он.

– Вот это дело! – обрадовался Савва. – У меня вино уже погружено. Грузи свой ладан – и в море. Если не собираешься отдохнуть на берегу после плавания, то сегодня же после обеда отправимся.

Савва задумался о чем-то и неожиданно спросил:

– А почему корабль до Константинополя ты хотел искать именно в Фамагусте? Чем тебе не подошел Лимасол? Здесь ведь тоже полно корабельных контор? Лишний расход на лошадей и два дня пути?

Мисаил растерялся от такого неожиданного вопроса, однако Савва, по всей видимости, и не рассчитывал на ответ.

– Просто я подумал вот о чем. За вашим кораблем с того самого времени, как стало известно, что он привез ладан из Александрии, наблюдал один мой человек. Должен был дать мне знак, когда вы сойдете на берег, чтобы я мог повстречать вас вдали от лишних глаз. Так вот. Едва вы отошли, капитан послал одного из матросов с каким-то поручением в контору к генуэзцам. Дело обычное, мало ли что. Только теперь мне показалось странным, почему вы не пошли туда же, а отправляетесь на другой конец острова, чтобы там обратиться в такую же самую контору. Что-то здесь не так. Если вам это не показалось странным – забудем про все. Я не имею привычки совать нос в чужие дела.

Судя по всему, такой привычки у Саввы действительно не было. Это было его сущностью. Меня эти слова поразили, словно внезапный удар под ребра. Снова всплыли слова деда о преследователях и засаде. Он всеми силами путал следы и отводил глаза, ведя ложные переговоры с генуэзцами, рассчитывая дать нам время оторваться от возможных неприятелей. Кто-то перехитрил его самого. Тщательно проследив за самим дедом, этот человек воспользовался тем же способом, чтобы дать кому нужно знать о нашем отпавлении. Только и заботы было, что тайно передать нужное письмо с капитаном того самого корабля, на котором мы так спешно уходили от преследования. В результате мы оказались в положении собаки, которая изо всех сил убегает от привязанной к ее хвосту погремушки.

Кто-то здесь в Лимасоле уже прочитал письмо с известием о нашем прибытии. Судя по всему, оно было написано совсем не для того, чтобы утолить чье-то праздное любопытство. Там наверняка были инструкции. От ужаса у меня закружилась голова.

Тайна моя раскрыта, а сам я нахожусь на земле христиан, вдали от мудрого деда и защиты сурового мусульманского права. Нужно было срочно что-то решать. Я резко повернулся к Савве:

– Это не только показалось странным, это говорит о том, что нам грозит опасность. Открою тебе тайну – я внук хозяина дома Тарик.

Купец даже не повернулся ко мне, сделав едва заметный предостерегающий жест. Голос его зазвучал совсем тихо:

– Можешь больше ничего не говорить. У тебя еще будет для этого время. Теперь слушайте меня внимательно. Сейчас вы пойдете в кошачий монастырь. Вам нужно где-то прослосниться полдня, а лучшего места просто не придумать. Туда все ходят, кто приезжает в Лимасол. Отсюда два часа ходьбы. На обратной дороге зайдете на постоялый двор, у ворот которого стоит киотик с иконой святого Николая. Там вас будет ждать мой человек. Он сам к вам подойдет и спросит, не угодно ли господам нанять мулов. Срядитесь с ним до Фамагусты. Дальше он скажет, что делать. Погрузите в порту свой ладан и отправитесь в путь. Ночью в укромном месте за городом я заберу вас на корабль.

После чего добавил угрожающе:

– С генуэзцами шутки плохи. Они хуже турок.

VI. Торговец тайнами

До Фессалоник мы плыли почти три недели. Корабль наш несколько раз резко менял курс, то устремляясь прямо на неподвижную Альрукабу, то поворачивая на закат. Мы долго шли вдоль берега Кипра, потом по бескрайнему морю, где ни единое облачко не намекало на ближнюю сушу. Затем снова появилась земля. Путеводная звезда Сухейль оставалась у нас за кормой и уже едва показывалась над горизонтом.

– После Афин ее не будет видно совсем, – предсказал Савва, заметив мой тоскующий взгляд.

Он вообще был очень наблюдательным. А еще очень разговорчивым. Это незаменимое искусство в долгом морском путешествии.

Корабль наш был на первый взгляд невелик и больше напоминал большую лодку. Однако на корме была устроена маленькая, но удобная каюта, а на носу – запирающийся трюм для груза. С парусами двух мачт управлялись всего четверо матросов, зато судно мчалось по волнам с удивительной скоростью.

Наш спутник всю дорогу с неизбывным усердием пробовал свой драгоценный товар, не забывая, правда, сильно разводить его водой. При этом щедрой рукой угощал и Мисаила. Первое время наливал и мне, убеждая, что это лучший способ сделать безопасной пищевую воду, застоявшуюся в кувшинах, но, увидев мою непреклонность, посоветовал выдавливать в питье лимон. Честно говоря, я поначалу думал, что Савва хочет с помощью хмельного развязать нам язык, но вскоре убедился в удивительном искусстве этого человека говорить не рассказывая и узнавать не выспрашивая.

Он часами напролет, при свете солнца и мерцании звезд, вел нескончаемые беседы обо всем на свете, нанизывая истории, как жемчужины на нить. О том, почему монастырь Святого Николая, который мы посетили на Кипре, называется кошачьим, а вино, которое он везет, – королевским. О том, как опасно стало сейчас плавать в здешних морях, как уже много лет подряд смуты и войны терзают злосчастную империю ромеев. Мы узнали, что чума, обрушившаяся несколько лет назад на Константинополь, была карой небесной за захват власти Иоанном Кантакузиным, а недавнее землетрясение – наказанием за то, что церковные деньги потратили на жалование неверным турецким наемникам.

– Деньги были немалые, – с удовольствием шурился на закат Савва, делая очередной добрый глоток сладкого вина, – говорят, очень много прислал на восстановление собора Святой Софии русский князь. Но тут вдруг возьми и поднимись на Кантакузина его соправитель император Иоанн. Он и найми турок. На церковное серебро. Только недобрым был советчик, который это присоветовал. Не зря ведь говорят, что бывает час, когда деньги обращаются в черепки. Не к добру трогать церковную казну. Так и вышло. Пока турки ждали обещанных денег на нашем берегу, грянуло землетрясение. Да такое, что не приведи Господь. Прямо недалеко от турецкого войска разрушило город Галлипополь. Стража разбежалась, стены кое-где упали. Турки, не будь дураками, тут же заняли его, стены починили, да и послали к своим за подмогой. Выкури их теперь оттуда! Вот и получилось: избыв одну беду, накликали другую – еще горше. А почему? Не святотатствуй!

Страшную тайну этого землетрясения Савве поведали армянские купцы, рассказавшие, что главный удар стихии пришелся на таинственный языческий город Иераполь. То есть Город богов. Он с незапамятных времен сокрыт где-то в горах Каппадокии, и там было множество тайных кумирен, еще со времен дохристианских. Так вот Иераполь этим землетрясением был стерт с лица земли и обезлюдел. Не иначе в его тайных убежищах и скрывался корень зла. Мы только краешек увидели божьего гнева.

Знакомства у Саввы водились не только среди армянских купцов. Сразу чувствовалось, что он человек бывалый и знает входы-выходы во многие двери. Торгуя уже лет двадцать на Кипре сладким рыцарским вином, ловкий купец давно усвоил, что самый ходовой товар – это тайны. Правда, и самый опасный. Упомянул он об этом, как обычно, вскользь. Но так, чтобы на это нельзя было не обратить внимания.

Рассказывая об армянских купцах, турецких пиратах, рыцарских замках и генуэзско-венецианских распрях, он неустанно внушал главную мысль об опасностях путешествий в этих краях.

– В прошлом году сам наш Фессалоникийский архиепископ Григорий Палама к туркам угодил. Поплыл в Константинополь мирить двух императоров Иоаннов – Палеолога с Кантакузиным, да забыл, что теперь турки на обоих берегах сидят. Вот и попал к пиратам вместо Царьграда. Хорошо, что сейчас Фессалия под рукой у сербского короля, тот дал денег на выкуп. Я сам ездил договариваться через старых знакомцев. Скоро должны отпустить святителя. Так что вам повезло. Со мной будете как у Христа за пазухой.

Савва не сказал: «Если поможет», но это и так было ясно.

Вскоре я понял, почему он не пытается ничего выпытать или разузнать. Опытный торговец тайнами прекрасно понимал, что самое главное – втереться в доверие. Времени у него для этого было достаточно.

Савва ни разу не спросил, куда и зачем мы едем, почему опасаемся преследования. Лишь только один раз одобрительно отозвался о том самом погонщике мулов, что доставил нас лунной ночью к условленному месту на кипрском берегу:

– Старый разбойник. Дело свое знает. Умеет язык держать за зубами.

Не зря сказано: если хочешь узнать человека, не слушай, что о нем говорят другие, слушай, что он говорит о других. За этими словами Саввы так и читалось: «Мы с ним одного поля ягоды».

– Настали такие времена, – вздыхал он, – что брата родного, бывает, нужно больше бояться, чем чужого человека, – и, понизив зачем-то голос, продолжал: – Фессалия сейчас принадлежат королю Стефану. А правит там его младший брат Симеон. Матери у них разные. Отец женился второй раз на ромейской царевне, так что Симеон наполовину грек. Вот его и поставил Стефан княжить над Эпиром и Фессалией. Думал, наверное, что тому будет проще ладить с греческими подданными. А на деле получилось, что он завязал узелок, ниточка от которого еще неизвестно куда потянется. Я это к тому говорю, что нашего дела все это тоже касается. Ведь хотя Стефан в Сербии король и вроде даже император, а в Фессалии все же Симеон князь. А как он смотрит на все эти дела с автокефальной церковью, еще неведомо. На словах он, конечно, за то же, за что и король, только что у него на уме? Материнская ромейская натура свое берет. Греки без интриг и хитростей не могут. Стефан не вечен, а соблазн стать самостоятельным государем Эпира и Фессалоник велик. Если со временем Симеон задумает отложиться от Сербии, то ему поддержка патриарха Константинопольского не помешает. Следовательно, сербский станет врагом. Это я вам для чего толкую?

– Догадаться несложно, – ответил Мисаил. – То, что сербскому королю нужно, его младшему брату может не по нраву прийтись. Боишься, станет мешать?

– Явно, конечно, нет. Тем и хуже. Не знаешь, где осторожиться. Потому мы и едем на Афон. В монастырском царстве свои порядки. Хоть рука владык земных и туда достает, а все безопаснее. Однако всякое может случиться. Мы с вами теперь не только на одном корабле, но и в одной лодке. На Афоне крепко держитесь за меня и лишних разговоров не ведите. Приехали попутателей на ладан найти, и весь сказ. Дело наше будем делать втайне.

Откровенность нашего попутчика мне понравилась. Тем более, что он заботился не только о своей, но и о нашей безопасности. Осторожность и предусмотрительность вообще были частью натуры Саввы. Скорее всего, частые смены нашего курса тоже происходили от

них. Корабль наш не заходил в порты, приставая к берегу, чтобы пополнить запасы, в каких-то укромных местах или на уединенных островах. Малейшие ухудшения погоды мы переживали в защищенных бухтах, избегая риска. Да и сам наш отъезд с Кипра был им устроен с такой восхитительной ловкостью, запутавшей все следы для преследователей, что нельзя было не подивиться уму и изворотливости этого человека.

Оставалось только положиться на него, тем более что выбора у нас теперь не осталось – мы оказались в полной его власти.

Савва умел добиваться своего и прокладывать путь к чужим душам. В разговорах он ловко перемешивал рассказы о политике со сказками, пустую болтовню с серьезными предостережениями, а смешные случаи с древними историями. От него я узнал, что звезда Сухейль в их краях зовется Канопусом, в честь кормчего какого-то древнего царя. Что другой древний царь потратил целых десять лет, чтобы переплыть то самое море, по которому путешествовали мы. Стоило вырасти на нашем пути из вод морских очередному острову, как наш спутник немедленно рассказывал про него какую-нибудь историю. Древнюю или недавнюю.

Это было словно странствие среди неведомых сказочных земель, когда в загадочной дымке проплывавшего берега таился то замок крестоносцев, то логово пиратов, а то и убежище какого-нибудь языческого бога.

– Вот на этом острове жил знаменитый врач Гиппократ, – махал он рукой, заодно, кажется, втайне проверяя нашу образованность. Не может же хороший знаток благовоний и ароматов не знать великого грека.

Когда звезда Сухейль уже окончательно исчезла за горизонтом, а следовательно, до конца пути оставалось совсем немного, Савва снова вернулся к разговору о деле. Как обычно, словно невзначай во время болтовни под ночными звездами.

– Король Стефан спит и видит себя ромейским базилевсом. Тем более ему и остался всего последний шаг – сесть на престол в Константинополе. Для этого он готов хоть с чертом шашни водить. Недавно совсем уже было сговорился с турками. Они его перед тем крепко побили, вот он и предложил им тайно договориться, чтобы помогли. Турок ведь греки нанимают, у них есть возможность неожиданно ударить в тыл. Я был среди тех, кто эти тайные поездки к туркам организовывал. Скажу вам по большому секрету – дело было улажено. Было даже определено время совместного выступления.

Савва долго молчал, давая нашему нетерпению накалиться, и будничным голосом скучно поведал:

– Не вышло. Послов перехватили ромеи, – в его голосе зазвенели стальные нотки, – и убили. Кто-то их предупредил. Кто-то очень близкий к королю и имеющий доступ к самым сокровенным государственным тайнам.

Потом голос купца стал снова скучным и даже каким-то ленивым:

– Это я к тому, что сторонники ромеев могут тайно помешать любому начинанию короля Стефана.

Он больше ничего не сказал и после долгого молчания снова стал рассказывать какую-то интересную историю. Но понять смысл предупреждения было несложно. Нам угрожала нештучная опасность. Она могла исходить из окружения константинопольского патриарха, враждебного сербской автокефалии, или от самого князя Симеона, брата сербского короля, правившего в Фессалии.

Смысл предупреждения сводился к старой доброй истине: «Молчание – золото».

Если честно – напугал он нас порядочно. Однако деваться было некуда. Мы были в одной лодке.

Мисаил целыми днями предавался размышлениям о том, какой основой лучше закрепить запах, Савва снова беспечно рассуждал, как варят миро в разных церквях. Он был человеком основательным и старательно изучил вопрос. Оказывается, католики вообще просто сме-

шивают готовый бальзам с оливковым маслом. А армяне варят миро раз в семь лет. Купец даже показывал Мисаилу какой-то рецепт, насчитывающий целых сорок составных частей. Так что, когда перед нами наконец выросли вершины Святой горы, в голове у того было немало самых прекрасных идей варки благовонного масла. Сейчас я даже жалею, что тогда не поинтересовался хоть одним из них. Мисаил говорил, что нужно кое-что попробовать и проверить, а его глаза уже горели в предвкушении часа, когда он снова окажется перед милыми его сердцу загадочными сосудами и лампами.

Ветер не всегда дует туда, куда хочется кораблю.

В который уже раз судьбе было угодно переменить наши планы.

VII. Нечаянный попутчик

Святая гора выросла перед нами из моря через три недели пути. После очередного долгого перехода Савва указал на появившийся вдали берег и сказал:

– Афон!

Только к берегу мы пристали не скоро. Сначала корабль долго продолжал идти на север, оставляя гору в стороне, и лишь когда она оказалась почти за кормой, повернул на запад. Так мы и плыли, едва не до самого вечера, вдали от едва угадывавшейся за бортом земли. Самым странным показалось, что после того, как мы, наконец, повернули на юг и подошли совсем близко к берегу, корабль снова двинулся назад, на восток. Вряд ли наш опытный кормчий, чувствующий себя подобно рыбе в лабиринте далеких островов, заблудился в знакомых водах.

Уловив мое недоумение, Савва немедленно пояснил:

– Нарочно ушли к сербскому берегу, подальше от любопытных глаз. С этой стороны и подойдем к монастырю. Это уединенная обитель со своей пристанью. Хиландар. Его основал когда-то сербский король.

Пристань была безлюдной. Нас встречал лишь одинокий сторож. Оказалось, что мы прибыли как раз во время большого христианского праздника. Богомольцы отмечали Вход Господень в Иерусалим.

– Хороший человек всегда прибывает вовремя, – весело пошутил купец. – Еще и с вином.

Оставив груз на корабле, мы двинулись пешком в монастырь, до которого оказалось около получаса неспешной ходьбы от берега. Не скрою, наша тесная каюта на преданном воле волн углом суденышке показалась мне теперь куда более надежной, чем твердая земля под ногами. Незнание всегда пугает сильнее, чем опасность. Большой крюк по морю, который сделал наш корабль, чтобы подойти сюда с другой стороны, наводил на грустные мысли и ничего хорошего не сулил. С безжалостной очевидностью я ощутил, что нахожусь на чужой земле, где царят неведомые мне порядки.

Правда, странноприимный дом, куда нас привел Савва, стоял немного на отшибе, отгородившись от церковной суеты высокой стеной. Нам постелили хорошую удобную постель с подушками, на стол в трапезной поставили блюдо с жареной рыбой, пшеничные лепешки с медом.

– Хорошо, что все в церкви. Выспимся и поедем как следует. Да и стол нынче праздничный. Завтра, кроме пустой каши, ничего не будет. Великий пост. С утра уберемся на корабль. Здесь свои порядки. Иноверцам не всегда рады.

Мне стало совсем неуютно. Будь моя воля, я убрался бы на корабль прямо сейчас. Хоть и одет я был в греческое платье, но чувствовал себя вором, пробравшимся в чужой дом. Чего уж говорить про Симбу, который своим африканским лицом сразу привлекал внимание.

Словно угадав мои мысли, Савва ободрительно произнес:

– Здешние монахи – народ бывалый. Многие в паломничество ходили в Иерусалим и на Синай, видали христиан из Эфиопии. Они скорей обрадуются гостю из таких дальних стран.

Уложив нас спать, он отправился по своим делам.

Когда мы проснулись утром, Савва уже дожидался, усевшись на лавке у входа. Вид у него был радостный и веселый:

– Отправляемся обратно на свой утлый челн. Здесь в монастыре все равно поесть дадут только в обед, да и то сказать, снова строгий пост. Пустая каша. Я у келаря сыров набрал из-под замка. Хлебов свежих. На корабле ребята, поди, уже рыбы наловили. – Он блаженно потянулся. – Там хоть умоемся. А то у этих постников и баня в году положена только всего пару раз. Потому как умерщвление плоти. Мы же люди простые, мирские, нам жить надобно.

Во всем его поведении чувствовалось некое облегчение.

– До полудня сгрузят вино. Ваш ладан тоже отец экономер берет весь. О цене я уже сговорился – в обиде не будете. На деньги даст заемное письмо к меняле в Константинополь. Я ведь вас обещал туда доставить. Сегодня и отплываем.

Мы с Мисаилом только переглянулись. О мире ни слова. Купец, заметив это, захохотал:

– Повезло нам. Решилось дело само собой. Ибо, пока я там сапоги мял в чужих краях, здесь сотворились перемены великие.

Рассказывал он все уже по дороге к морю:

– В декабре император Иоанн Кантакузин отрекся. Теперь он смиренный монах и вкушает такую же пустую кашу, от которой мы бежим сломя голову этим прекрасным утром. Война, конечно, не кончилась, как же царственным людям без войны? Теперь с императором Палеологом будет биться сын Кантакузина Матфей. Нам до этого дела нет. Только вослед за императором на постную кашу отправили и патриарха Филофея. На его место посадили Каллиста. А от него сразу и болгарам, и сербам отеческое благословение. Признание автокефалии. При условии, конечно, что его будут в первое место чтить, как отца родного. Самое главное, чтобы сербский и болгарский государи ромеям бед не чинили. Так что мир теперь к ним повезут, как встарь – из Константинополя. Уже на этой неделе будут варить. Меня вот за ним и послали. Так что нам снова по пути. Чего нахмурился? Иль не рад? Товар продал с выгодой и без хлопот. В Царьград я тебя доставлю. С миром всех этих хлопот теперь не будет. Или думаешь про недругов, от которых на Кипре ушел? Коли они знают, куда ты путь держишь, то станут тебя поджидать. Может, помочь чем? Я ведь, как ни крути, твой должник. Таиться не буду – мое усердие высоко оценили.

Помочь. Если бы я знал, чем мне теперь нужно помогать. Что теперь было делать с письмом к патриарху Филофею, которого лишили сана? Дед надеялся, что он поможет мне добраться до царства Джанибека.

– У меня письмо к Филофею.

– Так ладан ты уже продал. Или хочешь договориться на будущее? Могу пособить. Хотя и Филофей может купить. Он ведь сейчас здесь на Афоне. В Афанасьевской лавре. Самый знатный в этом краю монастырь. Недалече отсюда.

Странно, но уверенность вернулась ко мне только на борту корабля. Качающаяся палуба, отданная во власть коварной пучины, казалась теперь куда более надежным местом, чем земная твердь. словно полоса воды, отделявшая корабль от берега, была границей с миром, где западня могла таиться за каждым поворотом. Море открыто, и все в нем видно от горизонта до горизонта, его опасности ничто по сравнению с человеческим коварством. Дорога на суше скрывается уже за ближайшим поворотом, и никто не может сказать, что ожидает за ним. Я посмотрел на высоченные кипарисы, закрывающие вид на монастырь. Кто знает, чьи недобрые глаза сейчас, может быть, смотрят на нас из тени его густых ветвей?

Захотелось снова уйти в море. На простор, где только звездам и ветру ведомо, куда ты плывешь.

Заметив наше тревожное настроение, Савва поспешил успокоить:

– Даже если ваши друзья и будут ждать в Константинополе, им неизвестно ни время прибытия, ни, самое главное, на каком вы корабле. Могу смело заверить, что ни одна весточка с Кипра не могла достичь берегов Босфора раньше, чем мы. Если, конечно, их не предупредили заранее, из Египта. Тогда ваши дела плохи, один из вас слишком уж приметен, – он кивнул на Симбу. – Хотя, если его спрятать на корабле, то затеряться в Царьграде проще простого. Город огромный.

Не получив ответа и подождав немного, купец продолжил:

– Заемное письмо меняле я выписал на свое имя. Так что деньги заберу сам и отдам вам все звонкой монетой. Могу помочь и с укромным местечком в Царьграде.

Похоже, он действительно был полон решимости нам помочь. В конце концов, если Савва хотел бы нам зла, ничто не могло ему помешать – мы были полностью в его руках. Так были ли смысл играть в прятки?

– У нас нет никаких дел в Константинополе, – решил я, – патриарх Филофей должен был помочь нам добраться до Крыма в царстве хана Джанибека.

Обычно невозмутимый Савва на этот раз даже присвистнул от удивления:

– Для людей, за которыми почему-то охотятся генуэзцы, лучше пути просто трудно придумать. В те края сейчас, по-моему, кроме них никто и не плавает. Только венецианцы, да и те в последнее время больше ходят на Трапезунд.

Он задумался ненадолго, и к нему вернулась привычная решимость:

– Раз обещал – помогу. Есть один знакомый в Царьграде. Тертый калач. Занимается морскими грузами. Может, что подскажет.

Не унывающий ни при каких обстоятельствах Савва буквально заражал своей уверенностью:

– Если бы дело в здешних краях было, я бы все сам в наилучшем виде обстригал. Думаешь, почему именно меня в Царьград за миром послали? Знают, что у меня все с турками схвачено. А с ними шутки сейчас плохи. Вон архиепископ Григорий поплыл, знающих людей не спросясь, – сидит теперь в плену. Хорошо, сербы за него согласились выкуп заплатить, а то мог так и остаться там надолго. Хоть здесь и плыть всего ничего, а запросто можно оказаться без груза и корабля. Или вообще без головы. Груз ведь бесценный. В Болгарии уже много лет младенцев крестят без помазания, вернее, мажут миром с мощей Дмитрия Солунского. Там теперь этих мирниц с маслом ждут как манны небесной. Я с Афона еще одного монаха заберу, болгарина. Он как раз по этому делу в Царьград торопится. Так что немного потеснимся.

Ночь мы встречали в открытом море. Взятый на одной из афонских пристаней монах усердно молился на корме, Мисаил и Симба, плотно поужинав, заснули прямо на свежем воздухе, а я смотрел на звезды и думал. Мы держали путь прямо туда, где над горизонтом вставала неподвижная Альрукаба.

Монаха звали Киприан. Это был молодой человек с умным лицом, прекрасно говоривший по-гречески. В его манере держаться чувствовалось воспитание, которое он получил явно не в простой семье. В отличие от нашего корабельщика он оказался человеком не только разговорчивым, но и любопытным. С самого появления на борту он взирал на нашу троицу с явным подозрением, а теперь, оставшись со мной наедине, сразу спросил, какое у нас дело в Константинополе. Мне показалось, что сказать правду – лучший способ избежать лишних расспросов, и я ответил, что путь наш лежит дальше, в царство хана Джанибека. Эти слова опечалили Киприана:

– Едете за рабами, – качнул он головой. И, кротко улыбнувшись, пояснил: – Вы ведь из Египта. Только не думай, что это Савва мне сказал. Просто я заметил, что ты не пьешь вина. Корабль прибыл с Кипра, куда его посылали на поиски мастера, умеющего варить благовонное масло. Вот я и подумал, что это ты и есть. Мусульманин, переодетый в греческое платье. Теперь понимаю, что ошибся.

Он рассмеялся.

– В чем? – поинтересовался я.

– В том, что ты варишь благовонные бальзамы. Зато угадал, кто ты и откуда. Ну, а зачем ваши купцы плавают за Сурожское море, знают все.

Мне вспомнилась старинная карта, нарисованная несколько веков назад где-то за тридевять земель, индийскими мудрецами. Там Египет был обозначен как «страна похитителей детей». Наша армия всегда пополнялась за счет рабов, которых мальчиками покупали на невольничьих рынках и потом обучали военному ремеслу в специальных школах. В последнее время их везли из Крыма и страны черкесов.

Мой образованный собеседник явно изучал логику в одной из прославленных греческих школ, и в стройности мышления ему было не отказать.

– Ты наблюдателен и прекрасно увязываешь факты в цепочку, – похвалил я. – Но достаточно было всего одного неверного предположения, чтобы привести к ошибочному выводу. Я действительно торговец благовониями. Все остальное истинно.

– Вот что значит доверяться общепризнанному мнению! – Похоже, его больше обрадовала собственная догадливость. – Мы уже привыкли, что из Египта плывут в те края за рабами, и даже не допускаем других вариантов. Кто-кто, а уж я должен был предусмотреть иную возможность. Ведь не далее как в прошлом году я встречал другого торговца благовониями из Египта, который плыл в Крым.

От неожиданности я даже потерял всякую осторожность:

– Омар! – вырвалось у меня.

– Кажется, его звали именно так. Значит, вы плывете вслед за ним? Ему удалось завести в тех краях хорошее дело?

– Не знаю. Мы не получили от него известий.

– Так вот почему с вами нет никакого товара. Я еще подумал – какие купцы странные.

Несмотря на драматичность момента, я не смог сдержать сочувственной улыбки:

– Опять неверный вывод. Товар был. Просто его продали на Афоне. Дали хорошую цену, зачем тащить за море.

– Это не вывод – это предположение, – парировал иннок. – А вывод такой: вы едете на поиски этого самого Омара. Кстати, какой вывод из нашей беседы сделал ты?

Он замолчал, давая мне подумать. На мгновение я душой перенесся в уютный дворик каирского медресе, где под сенью огромных платанов мы с другими учениками часто предавались подобным играм в логические цепочки. Может, Киприан ощутил то же самое?

– Ты можешь нам помочь?

– Вывод почти верный. Только не я. В Константинополе есть человек, который в прошлом году плыл с этим Омаром до Сугдеи. Думаю, тебе стоит с ним поговорить.

Мы стояли на носу корабля. Все давно уже спали, только на корме беззвучно покачивался бесплотной тенью рулевой. Ночь стояла безлунная, и фонарь за его спиной был единственным огоньком в бескрайней тьме. Зато над головой сиял усыпанный звездами полог неба.

Киприан сел, подоткнув под себя просторный дорожный плащ, и протянул мне небольшой холщовый мешок:

– Финики, – пояснил он, давая знак угощаться.

Я не ел фиников уже целый месяц.

– В прошлом году посланец патриарха ездил на Русь. До Сугдеи он добрался вместе с египетскими купцами. Помнится, они шли с каким-то генуэзским кораблем и очень боялись встречи с венецианцами. Промеж них война уже который год. Мы выбрали этот корабль, потому что знали, что венецианцы не захотят ссориться с египетским султаном, а генуэзский капитан охотно взял патриаршего посланника, чтобы получить дополнительную защиту от ромейских властей. Хотя какая теперь защита от наших императоров? – вздохнул он.

– Савва сказал, что ты болгарин. А ты грек?

– Потому что называю императоров нашими? Я монах. Мой повелитель – Царь Небесный. Земные владыки временны и преходящи. Сказано: не уповай на их власть. – Он усмехнулся в темноте. – Но ведь и сказано: нет власти, кроме от Бога. Я родом из Болгарии. Наши цари в земных делах куда сильнее ромейских императоров. Вот и заела гордыня – не хотят подчиняться и константинопольскому патриарху. Своего посадили в Тырново. Потом и сербы им поревновали. Разделили церковь православную. А ведь сказано: «Если царство разделится, то не устоит». Врагов много. Они сильны и с каждым годом становятся сильнее. С одной стороны папа, с другой – мусульмане. Турки вон уже на эту сторону пролива в прошлом году

перебрались. Можно ли им всем противостоять поодиночке? Патриарх Филофей был за единство православия. Мой учитель Феодосий Тырновский тоже.

– Мне сказали, что ты за миром для отделившейся церкви едешь.

– Не может быть никакой отделившейся церкви! – возвысил голос инок. – Могут быть неразумные пастыри, которые увлекают свою паству на погибель. Наше дело противостоять этому. Тот же король Стефан предлагал папе возглавить крестовый поход против турок. Поклонился. Хотел власть получить. В то же время с турками сговаривался, чтобы Константинополь захватить. А патриарх Каллист, что будет миро благословлять для болгар и сербов, три года назад эту же самую сербскую церковь анафемствовал.

Мне была непонятна почти половина из того, о чем говорил Киприан. Где сербы, где болгары, я имел самое смутное представление. Но я не мешал ему выговориться. Кто знает, представится ли ему еще такая возможность? Наедине со случайным встречным из такого далека, что и помыслить страшно? Еще подумалось, что с Мисаилом он не стал бы так откровенничать, хотя тот вроде и единоведец. Только папешник для него все равно что отступник. Еретик, хуже иноверца.

Инок между тем замолчал, думая о своем. Потом сказал, ни к кому не обращаясь:

– Мыслимо ли победить рознь мира сего?

Пришлось осторожно вернуть его к началу разговора:

– Ты как с Омаром встретился?

– Пришел на корабль провожать патриаршего посланца. Тот, помимо всего прочего, вез целый сундук с миром для северной епархии. Этот Омар и учуял запах. Спросил, что это. Так вот я и узнал, что он торговец благовониями.

VIII. На Золотом Роге

Человека, выросшего в Каире, трудно удивить величиим иного города. Сказано: «Кто не видел Каира – тот не видел мира». Мы привыкли, что гости, приехавшие из самых дальних мест, восхищались его размерами и процветанием. Однако не зря люди называли Константинополь Царьградом. Этот город был воистину прекрасен и огромен.

Теперь здесь повсюду лежали следы разрушения и упадка, но они лишь подчеркивали бывшее великолепие. Хотя многие здания пустовали и разрушались, площади использовались под огороды, а улицы заросли травой и служили пастбищами для коз – древняя мощь лишь уснула под вековой пылью забвения и словно ждала пробуждения.

В длинной бухте, именуемой Золотым Рогом, теснилось такое множество кораблей, что наша Александрия показалась мне захолустьем.

Однако самое неизгладимое впечатление произвел на меня храм Святой Софии. Состязаться с ним в величии могли лишь наши древние пирамиды, но то были лишь горы из камня, пусть и возвысившиеся до небес. Здесь же я увидел здание, полное людей и великолепных украшений, покрытое куполом, вознесенным на такую высоту, что даже снизу захватывало дух.

Киприан рассказал мне, что некогда русские послы из той страны, куда я сейчас направляюсь, приехали сюда в поисках истинной веры. Перед этим они уже почти склонились к исламу, ибо прельстились нашим обычаем иметь много жен. Но, очутившись здесь, они перестали понимать, где находятся – на небе или на земле.

– С тех пор там на севере существует большое православное царство. Только оно разделилось в себе и подчинено иноверцам. Часть под рукой хана Джанибека, который называет себя мусульманином, часть под властью Литвы, где правят язычники, поклоняющиеся огню.

Я не мог не обратить внимания на слова инока, назвавшего Джанибека не мусульманином, а считающего себя им.

– Ты же сам называешь его языческим именем Джанибек, а не мусульманским Махмуд, – рассмеялся на мой вопрос Киприан. – Конечно, сам хан именуется мусульманином, строит медресе и всячески подчеркивает свою приверженность исламу, но в его окружении царят самые разные настроения. Верховный суд в государстве и по сей день вершится по древнему языческому закону, именуемому Ясой. Этот закон властвует в степях и кочевьях, а там находится вся военная сила Джанибека. Переписываясь с вашим султаном, он и себя именуется султаном, а у себя дома следует языческим обрядам. У вас в Египте женщины закрывают свое лицо?

Я кивнул.

– В Золотой Орде ты вряд ли увидишь такое. Если тебе попадетсЯ женщина с закрытым лицом, можешь быть точно уверен – она издалека.

Мне вспомнилось упование деда на помощь султана и защитника веры Джанибека. Он еще считал, что мне пригодятся познания в мусульманском праве. Теперь у меня не осталось в этом никакой уверенности. Киприан, словно угадав мои мысли, продолжал:

– В то же время с правосудием там все в порядке. Человек любой веры может получить защиту у властей и не тревожиться за свою безопасность. А нашей церкви там живется даже лучше, чем в царстве христианских государей. Она налогов не платит, и в дела ее никто не встревает. Правда, Джанибек в последнее время стал потихоньку ограничивать старинные льготы, но только по денежной части. Здесь не столько мусульманская вера виновата, сколько оскудение кошны после чумы.

Сколько раз приходилось это слышать! В разговорах о вере, политике государств, придворных интригах и любовных шашнях. В конечном итоге все сводится к деньгам. Как у купцов на базаре. Словно в подтверждение этой мысли монах продолжил:

– Там на севере собралась большая сила. До нас им дела мало, да и мы всегда думали, что все это от нас далеко. Только несколько лет назад они неожиданно-негаданно вмешались в нашу жизнь. Император Кантакузин заратился со своим тезкой-соправителем Палеологом. Было бы его дело совсем плохо, да тут прислали от русского князя много серебра. Сказали, на ремонт Святой Софии. На самом деле московскому князю Симеону попритчилось жениться в третий раз. Да еще от живой жены. Не по канонам. Митрополит его от церкви отлучил, так он теми же ногами послов к императору. Заметь: не к патриарху – к императору, прекрасно знает, кто здесь главный. С пожертвованием. Ну как не дать благословение такому хорошему, а главное благочестивому человеку? Он императора почитай что спас. А митрополиту с его канонами утереться пришлось.

Видно, история эта была здесь очень популярной. Мне ее рассказывали уже во второй раз. Только теперь не все свелось к деньгам.

– После всего этого у нас на русскую митрополию другими глазами посмотрели. Вот где сила! Вот где искать спасения от врагов и неурядиц. За последние годы послы туда-сюда каждое лето так и шастают. Не только наши. За генуэзскими и венецианскими купцами шныряют папские посланцы. В тамошних землях епархии учредили, монастырь за монастырем открывают. Они там на западе быстрее нас сообразили, что к чему, и всеми силами стараются склонить хана на свою сторону. Это я к тем самым словам про Джанибека, которого считают мусульманином. Известно от верных людей, что его всюю в католическую веру окручивают, – Киприан сделал многозначительную паузу и предупреждающе поднял палец, – и небезуспешно!

Признаюсь, я тогда не придавал значения всем этим рассказам. Они только усиливали мое тревожное ощущение, что я все больше углубляюсь в мир мне неведомый и непонятный.

За неделю, что мы добирались с Афона до Константинополя, Киприан только и делал, что рассказывал мне о здешней политике. Это лишь немного, что я запомнил. Меня больше интересовали его рассказы о царстве Джанибека, куда мы направлялись.

Например, я узнал, почему его называют «Золотая Орда». Это название пришло от самих татар, которые зовут ставку хана «Золотой Престол», потому что хан проводит торжественные приемы в особом походном дворце, представляющем собой преогромный шатер, который опирается на столбы, обитые тонким золотом. Сам хан предпочитает кочевой образ жизни, и вся его огромная ставка вместе с приближенными, отборным войском и государственными учреждениями все лето проводит в степи, раскинувшись огромным лагерем, превосходящим по величине любой город. Могущество и богатство его державы сильно пошатнулось после недавней чумы, и сама столица сейчас – лишь бледная тень некогда процветающего великолепия. Даже сам Джанибек очень редко посещает свой дворец, предпочитая недавно устроенную резиденцию, названую Гюлистаном – городом цветов, где вертит закулисными делами ханша Тайдула, женщина столь же могущественная, сколь таинственная. Она была женой Узбека, отца нынешнего правителя, а теперь забрала в свои нежные, но цепкие руки едва не все скрытые нити, которые держат в повиновении это великое царство. Говорят, она благоволит христианам. Во всяком случае, поставленный в прошлом году новый митрополит Руси Алексей получил от нее милостивые пожалования и покровительство.

Разговоров с Мисаилом монах избегал и все время смотрел на него с подозрением. Мои слова, что тот занимается алхимией и изучением бальзамических составов, только усилили недоверие. Кажется, после этого Киприан заподозрил моего спутника еще и в чернокнижии. Симбу, которого он неизменно называл эфиопом, монах и вовсе явно побаивался.

Только когда мы проходили пролив, отделяющий, как сказал Савва, Европу от Азии, мне стали понятны его слова об опасности плавания в здешних водах. До обоих берегов было буквально рукой подать, а у выхода из пролива виднелась та самая крепость Галлипополь, недавно захваченная турками. Неудивительно, что сунувшийся по этому пути архиепископ Фессалоник угодил к ним в плен.

За наше долгое плавание от Кипра до Афона корабль очень часто приставал к земле. Стоило появиться на горизонте пусть даже небольшому островку, как Савва неизменно находил укромное местечко, где можно было ненадолго встать на якорь и отправиться за водой и свежими припасами. В полной мере я ощутил это, только когда мы плыли к Константинополю. Мы ни разу не подошли к берегу, хоть он часто оказывался едва не на расстоянии вытянутой руки. К концу пути мне стало понятно и все благо добавления вина в начавшую протухать воду. Сам я уже никак не мог пить, не выжав в чашку едва не половину лимона. Оставалось лишь удивляться, вспоминая, как удавалось изворотливому Савве во время трехнедельного пути с Кипра кормить нас не только свежим мясом, но даже частенько горячим хлебом и зеленью.

Берега Романии веяли опасностью и враждебностью.

Ощущение это усилилось после того, как Мисаил, уловив момент, осторожно предупредил:

– Савва просил передать, чтобы ты держал ухо востро с этим монахом. Что-то вы уж больно спелись. Говорит, что монах из той породы, что мягко стелет, да будет жестко спать.

Сам Мисаил за время путешествия сильно сблизился с нашим корабельщиком и проникся к нему доверием. Месяц разговоров за чашей славного королевского вина, пусть и разбавленного водой, дал свои плоды. Он даже предложил посвятить этого многоопытного интригана и охотника за тайнами в подробности нашей миссии. В конце концов, чем мы рискуем? Савва и так знал о нас слишком много, да и возможностей навредить у него и без того было предостаточно.

Выслушав подробности нашего дела, купец только развел руками:

– В Сурожское море мне ходить не приходилось. Раз-другой до болгарской Варны, и все. Тамошние дела для меня темный лес. Но в Царьграде полно всякого ушлого народа, которые таскают чертей даже из эфиопской задницы. – Я заметил, что посмотрел он при этом на Киприана, а не на Симбу. – Нужно будет у них поспрашивать. – Увидев наши встревоженные лица, Савва успокоил: – Да вы не бойтесь! Сделаю все – комар носу не подточит. Дело уж больно странное. Сразу и не поймешь, откуда ноги торчат. То ли из вашего Египта, то ли из Золотой Орды. И генуэзцы посередине.

Судя по всему, именно мысль о генуэзцах посередине особенно его тревожила. Даже в гавани он строго-настрого велел нашему Симбе сидеть в каюте и не высовываться.

– Уж очень вы приметные. Легко обнаружить в случае чего. Тот, кто по вашему следу идет, наверняка будет искать именно по высокому эфиопу. Сейчас бояться нечего. Руку даю на отсечение, никто раньше нас с Кипра сюда не добрался. Так ведь потом будут след брать. Тогда ваш чернокожий истукан очень даже им пригодится.

Даже когда Киприан позвал нас на встречу с тем самым человеком, что в прошлом году плыл с Омаром в Крым, Савва не посчитал излишними дополнительные предосторожности.

Монах покинул корабль, как только мы причалили к одной из царьградских пристаней. Она находилась ближе всего к высившемуся над заливом огромному храму. Почему-то здесь оказалось совсем мало судов и все они были небольшими, вроде нашего. Большие корабли стояли на противоположной стороне.

– Галата, – с недоброжелательным почтением указал туда Савва, – генуэзская крепость. Настоящие хозяева здешних краев – там.

Сам он, едва Киприан скрылся за поворотом дороги, которая вела к одной из башен стены, отгораживавшей город от моря, немедленно отправился следом. Нам же строго-настрого запретил покидать корабль до своего возвращения. Вернулся ближе к полудню изрядно навеселе. Одновременно с посланцем Киприана, сообщившим, что тот ждет нас возле храма Святой Софии. Выслушав его, Савва предложил отправляться немедленно, чтобы успеть вернуться до того, как ворота закроют на ночь. Но сначала попросил забрать у него деньги за ладан, которые он получил по заемному письму. Мне не терпелось скорее поговорить с человеком, который

расскажет про Омара, но купец настойчиво потребовал уединиться с ним в каморке на корме немедленно. Плотно прикрыв дверь, он даже не потянулся за кошельком.

– Говорил я сейчас с одним знающим человеком по вашему делу. Знаешь, что ему сразу показалось странным? Почему это заемное письмо написано по-арабски? В Золотой Орде этот язык не в ходу. В тех краях все пользуются кипчакским. На нем и говорят, и пишут. Государственные бумаги на монгольском. Ну, на то они и государственные – для государевых дел. Смекаешь? Письмо сразу писали не для того, чтобы по нему в Орде деньги получать. С ним там к любому судье пойдешь – перевод затребуют. Значит, с самого начала собирались деньги в Египте взыскивать.

Вспомнились опасения деда, что все это сильно походит на мошенничество:

– Похоже на то, что Омара заставили подписать это письмо, в надежде, что Крым далеко и концов не найдут?

– Похоже на то, – кивнул Савва, – вот только в землях хана Джанибека такие шутки плохи. Допустим, все так и было, тогда, если все откроется, тому, кто это затеял, не поздоровится. Достаточно подать жалобу властям. Татары в таких делах спуска не дают, сразу проведут расследование по всей строгости и шкуру живьем спустят. Получается, перехватить тебя – для них вопрос жизни и смерти. Или загодя бежать подальше от татарских судей. Сам понимаешь, чтобы голову спасти, они на все пойдут. Ты на генуэзцев думаешь?

– Им же человек в Лимасоле весточку передавал.

– Верно. Только ведь письмо могло предназначаться кому-то другому. Просто передали через генуэзцев. Ну да об этом потом поговорим. Сейчас другое. Срочное. Этот самый Авахав из Сурожа, на которого письмо дано, человек известный. Большими делами ворочает и с большими людьми знакомство водит. Из армян. Тех, что перебрались в те края из Сирии. По разным темным делам большой дока.

«Вроде тебя», – подумалось мне. Угадать эту мысль было несложно, и Савва рассмеялся:

– Вряд ли такой человек стал путаться в простое мошенничество, да еще с убийством. Всякий, кто имеет дело с тайнами, знает одну непреложную истину: шила в мешке не утаить. Особенно когда мешок через много рук идет. Где-нибудь да проколется, кто-нибудь да сболтнет. Для таких людей разные торговые дела больше прикрытие, чем доход.

Савва оглянулся на плотно закрытую дверь и со значением понизил голос. Скорее, чтобы подчеркнуть важность сказанного, чем из боязни быть подслушанным:

– Почему я тебе это говорю сейчас и наспех? Что там было с этим заемным письмом, неизвестно. Дело не в деньгах – это точно. Потому держи ухо востро. Особенно с этим твоим монахом, к которому ты сейчас пойдешь. Он ведь того же поля ягода, что и тот Авахав. Думаешь, правда сюда за миром приехал? Черта с два! Такая же сказка для отвода глаз, что у меня с вином на Кипре, – он похлопал меня по плечу, – или твой ладан.

Почему-то это одобрительное подмигивание – мы-де одного поля ягоды, – придало мне уверенности.

– Этот Киприан на самом деле привез патриарху тайное послание от своего учителя Феодосия, – продолжил купец, – какие-то там осуждения болгарской церкви. Я тебе это по большому секрету говорю. Не в пронос. Эти письма, что смиренные иноки друг другу посылают, целым царствам судьбы путают. А простые людишки для них и вовсе – тьфу. Чего ему от тебя нужно, одному Богу известно. Но ведь ясно же – что-то нужно! Он хочет тебя свести с человеком, с которым твой пропавший Омар плыл в Крым. А в тех краях ему повстречался этот самый Авахав со своим странным заемным письмом. Не одного ли это клубка ниточки?

– Но ведь Киприан не мог знать, что я приеду на Афон?

– Не мог. Но теперь знает. А самое главное, это сейчас уже знает и тот, кто, возможно, понимает во всем этом деле намного больше нашего. Вот к нему тебя и поведут. Один Господь ведает, чем все это может обернуться.

IX. Авахав из Сугдеи

Для Саввы, кажется, совсем не существовало положений, из которых он не мог найти выход. Не успел я открыть рот, чтобы спросить: «Что же мне теперь делать?», как он уже скомандовал:

– Таиться для вас теперь куда опаснее, чем быть на виду. Ты купец, у тебя есть письмо к патриарху, да и в Царьграде ты проездом. Чего же тебе не воспользоваться статусом гостя? Этот посланец на воротах подтвердит страже, что у тебя приглашение посетить храм Святой Софии. Потом ты, как и любой путник, захочешь осмотреть местные диковинки. Вполне разумно взять с собой слуг и проводника. Здесь это дело обычное. Даже присказка есть, что в Константинополе как в лесу – без проводника заблудишься. Вот я и стану вашим проводником. Останусь вас дожидаться, пока вы будете с этими церковными крысами разговоры водить. Если не вернетесь, подам жалобу кому следует. Ну а с собой возьмете своего эфиопа. На него достаточно одним глазом глянуть, сразу поймешь – с ним шутки плохи. Пусть охолонит горячие головы. А теперь быстрее переодевайтесь во все лучшее! Вас ждет величайший город мира!

Все-таки я счел за благо надеть греческое платье. Тунику, плащ. Мисаил воткнул в свою франкскую шляпу блестящее воронье перо, зато Симба облачился в расшитую куртку и пестрый тюрбан, замотав шею и подбородок синим платком. Помня слова Саввы, я прихватил и письмо к патриарху. Оно было написано по-гречески, да еще на пергаменте, а не на бумаге, и скреплено на концах шелковым шнуром с печатью. Даже самый вид его внушал почтение.

На удивление даже броская внешность Симбы не вызвала у стражи в крепостных воротах ни малейшего удивления. Достаточно было слова провожатого, которого они знали, чтобы нас пропустили, спросив лишь имена. На улицах, правда, на Симбу косились, но было видно, что подобное зрелище здесь не в великую диковинку.

Когда мы уже подошли к самому храму, Савва показал рукой в сторону:

– Там находится рынок благовоний.

Сопровождающий нас монах удивленно вскинул брови, а вот я даже не обратил внимания на эти слова. Оно было полностью поглощено великолепным зрелищем, представшим моему взору, – храмом Святой Софии. Не буду описывать вам его. Сотни путешественников и паломников сделали это, и вряд ли у меня получится лучше. Но сладостный восторг, испытанный мною при виде этого чуда человеческих рук и божественного промысла, и теперь стесняет мою душу. Я даже не заметил, как подошел Киприан и, увидев мое восхищение, рассказал ту самую историю про русских послов, которые не могли понять, на небе они или на земле.

Уже потом я возблагодарил свою предусмотрительность, благодаря которой надел греческое платье. Это позволило мне без помех осмотреть чудный храм изнутри. Пока же наш путь лежал в здание, примыкающее к нему сбоку. Там находился патриарший дворец, но мы прошли в какие-то пристройки, где ютились всякие службы для сошки помельче. В маленькой комнате нас ожидал невысокий человек с пронзительным взглядом и рыжей, словно выкрашенной хной, бородою. На нем было дорогое одеяние, вышитое шелками. Оно было столь неуместно в маленькой комнатке и так бросалось в глаза, что Киприан сразу после традиционного приветствия счел нужным пояснить:

– Брат сейчас уходит на торжественную службу в собор. Сейчас у нас пасхальные торжества всю неделю, – и сразу посуровел голосом, – поэтому не будем тянуть время. Я уже рассказал, что вас интересует.

Рыжебородый важно кивнул, покосившись на монументально возвышавшегося в дверях Симбу:

– Мне сказали, что вы ищете того самого торговца, который в прошлом году плыл вместе со мной в Крым? Вряд ли я смогу быть полезным. Мы расстались с ним в Сугдее, кото-

рую гемуэзцы именуют Солдаей, а брат Киприан Сурожью (его губы тронула едва заметная улыбка, и я понял, что в маленьком мирке, ограниченном этими стенами, игра со словами и названиями имеет немалый скрытый смысл). Единственное, что я знаю: он собирался отправиться дальше в Тану. Туда поехали и остальные египетские купцы.

Он даже не предложил нам сесть. Это явно не понравилось Киприану:

– Купцы вернулись, а он нет, – напомнил монах мягким голосом, в котором угадывалась настойчивость, и дал нам знак присаживаться, указав на скамью. Этот властный жест слишком явно показывал, что с церемониями покончено.

Голос Киприана стал совсем елейным:

– Будет лучше, брат, если ты обойдешься греческими названиями, не утруждая гостей понапрасну. Да и времени мало. И у тебя, и у них.

С этими словами монах, увидев, что мы колеблемся, еще раз повторил жест, приглашающий садиться. Похоже, он сознательно давал понять, кто здесь главный. Мне вспомнились слова Саввы. Важная птица.

– Думаю, мои друзья уже поговорили с теми купцами, которые вернулись в Египет. От тебя мы ждем чего-нибудь более интересного. Ты умный и опытный человек. Ничего тебе не показалось странным в этой истории? У тебя было время подумать. Мы должны им помочь. У них письмо к патриарху Филофею. Хоть он и оставил кафедру, сама она никуда не делась.

– Разумеется, – послушно закивал рыжебородый, – Патриархи приходят и уходят, а церковь остается. Как любит повторять твой учитель Феодосий Тырновский: «Мое отечество – Град Небесный!».

– Вернемся к делу! – теперь в голосе Киприана не было даже следа прежнего елеса и мягкости.

– У меня нет ни единого предположения или намека, которые могли бы пролить свет на эту историю. Я бы еще понял, если какие неприятности случились с теми купцами, которые плыли за рабами. Им ведь непременно были нужны кипчаки. А гемуэзцы в последние годы торгуют больше черкесами. Уже несколько лет, как хан Джанибек изгнал их из своего царства и не дает хода к их факториям. В прошлом году разрушил гемуэзскую крепость в Чембало. Рабов теперь везут с Кавказа. Из Матреги и других крепостей по другую сторону Киммерийского Босфора. Потому и плыли мы в Сугдею, а не в гемуэзскую Феодосию, как обычно. Оттуда мой путь лежал на Киев и дальше. Мы расстались.

– Об этом мы уже слышали, – Киприан явно не собирался уходить ни с чем. Меня это ободрило, и я посмотрел на него с благодарностью.

– Свято место пусто не бывает. После того, как хан погнал франкских купцов, их место стали занимать армянские. В Сугдее их много. Они сразу взялись помочь египтянам с кипчацкими рабами. Среди них оказался и человек, заинтересовавшийся благовониями. Он тоже отправился в Тану.

– Ты помнишь его имя?

– Конечно. Авахав.

Услышав это имя, я сразу вспомнил слова Саввы, произнесенные им несколько часов назад. Человек, для которого звание купца только прикрытие. Торговец тайнами. Того же поля ягода, что и Киприан. Я уже было собрался открыть рот, но меня неожиданно опередил Мисаил:

– Этот человек занимался благовониями?

Вне всякого сомнения, он тоже сразу вспомнил, на чье имя выписано заемное письмо.

– Этот человек вхож к Джанибековым вельможам. Он обещал помочь и с рабами.

– Ты его знаешь? – вмешался Киприан.

– Волей-неволей, – усмехнулся рыжебородый. – С тех пор как меня с дьяконом Георгием посадили на русские дела, мне приходится часто про него слышать. Он в них торчит отовсюду.

А сейчас и дьякон уехал, – вздохнул он. – Теперь этот Авахав сядет на мою шею всей задницей. Думаю, очень скоро придется с ним повстречаться.

– Может, сможешь сделать это и моим друзьям?

Рыжебородый как-то нехорошо рассмеялся:

– Нет ничего проще. На днях я снова поеду на Русь. Повезу грамоты от нового патриарха, новое миро. Нужно пригласить всех пастырей в Константинополь на поклон к новому владыке. Как раз по части Авахав.

– Теперь уже и мне стало интересно, – нахмурился Киприан. – Какое дело этому армянскому купцу до нашего патриарха?

Увидев, что рыжебородый покосился на нас, монах сердито махнул рукой:

– Рассказывай. Думаю, им тоже будет интересно.

Мы действительно наострили уши.

– Наш патриарх назначает на Русь митрополита. Я же тебе говорил, что этот Авахав русскими делами занимается. А ты сам знаешь, что там сейчас творится.

Я уже было пожалел, что невнимательно слушал рассказы Киприана о политике, но тот, словно услышав мои мысли, стал пояснять:

– Русские земли подчинены двум государям. Часть – Джанибеку, часть – литовскому князю Ольгерду. А митрополит один. Вот Ольгерд уже давно и хочет своего отдельного митрополита. Не раз уже послов в Царьград присылал. И не с пустыми руками.

Видно было, что слово «Царьград» резануло рыжебородого. Однако он внимательно слушал, явно ожидая, что будет дальше. Киприан продолжал:

– Три года назад появился у нас человек по имени Феодорит. Вроде как и не от Ольгерда, а сам по себе. Но с немалыми деньгами. Привез весточку с Руси, что тамошний митрополит Феогност почил в Бозе. Дело житейское. Владыка уже старый был, весть эта никого не удивила. Как и то, что тамошние князья земные сразу засуетились и стали на его место своих людей проталкивать. За этим Феодоритом, как ослиные уши, сразу выглядывали литовцы и Новгород – богатый город на самом севере Руси. Может, они и деньги на это дали – кто знает? Не прошло. Здесь тоже не дураки сидят. Быстро узнали, что Феогност жив. Кто знает, на что они надеялись? Может, были у них сообщники, которые в случае удачи старого митрополита на тот свет бы спровадили. И дело сделано. Ну, а как не выгорело, так, видно, решили, не пропадать же деньгам? Скорее всего, кто-то из здешних и подучил. (При этих словах рыжебородый печально кивнул.) Отправились к болгарскому патриарху, тот этого Феодорита русским митрополитом и поставил. Осталось только пастве его признать. Вместо назначенного Константинополем. Откололись же от нас Болгария и Сербия. Чего бы и Руси вослед не уйти? Тем более она по языку к ним ближе. До нас уже слух дошел, что и в Литве, и в Новгороде Феодорита примут. Только не попустил Господь. Не поспело это дело до конца решиться, как и в самом деле помер Феогност.

– Давай-ка я эту всю историю с другого конца расскажу, – встрял вдруг рыжебородый, – чтобы друзьям твоим интересно было. Они, поди, так и не поняли, при чем здесь этот Авахав? Ты ведь все про Литву говоришь да про Болгарию. А Авахав в Золотой Орде сидит. Как и его хозяева.

– А кто его хозяева? – стало интересно мне.

– Хороший вопрос, – одобрил рыжебородый, – сразу видно умного человека. Только у таких, как Авахав, обычно бывает много хозяев. Явные – это, конечно, татарские эмиры, что в Крыму сидят. Улус у них богатый, от столицы ханской далеко. Потому тамошние правители немалую силу имеют. Хотя стараются ее и не показывать. До поры до времени. Доходят ведь слухи, что и сам весь этот погром франкам в Крыму Джанибек устроил, чтобы этим эмирам руки укоротить да спеси поубавить. А ведь от этого сугдейские армяне сильно выиграли. Вся торговля по тамошним портам теперь идет через них да через греков.

Рыжебородый внушительно поднял палец, словно отделяя один абзац от другого:

– Вся эта буча с Феодоритом, она ведь и ордынские дела задевала. Митрополит получает ярлык у хана. Дело это нешуточное. За ним большие деньги и власть. От татар церкви большие послабления. Свой суд, а самое главное, освобождение от всех даней и податей. Да и кафедру свою русский митрополит держит в Москве, где сидит князь, которого хан поставил главным над своим русским улусом. Эта должность тоже денежная – князь дань для Орды собирает. Потому на его место много желающих имеется. А где интерес, там интриги, подкуп, деньги. В таком деле без посредников никак. Вот там и плавают хитрые шуки вроде нашего Авахав. От воли татарского хана много зависит. В том числе и в наших делах.

Он повернулся к Киприану:

– Помнишь, как этот самый московский князь Кантакузину денег прислал? Почитай ведь, спас его тогда. Кого же император будет поддерживать, как не московского митрополита? Когда Феодорит получил поставление от болгарского патриарха, Кантакузин сразу послал меня в Сарай, ханскую столицу, к тамошнему епископу. Чтобы тот, как смог, постарался втолковать Джанибеку, что все это дело на руку литовскому князю. Если еще не хуже. В церковные дрязги хану не с руки лезть, а вот мысль, что у него под шумок хотят утянуть Вольту, Галич, а там, глядишь, и Киев, вряд ли придется ему по сердцу. Да и к болгарам Джанибек настороженно относится. Всем в Орде памятно, как полвека назад хан Ногай крепко в тамошних делах завяз. Так что на ярлык у Феодорита надежды не было никакой. А без него он кто? Шпынь ненадобный.

Рыжебородый помолчал, давая всем осмыслить сказанное, и снова провел пальцем черту в воздухе:

– Так вот этот самый Авахав в ханской ставке всеми силами хлопотал за Феодорита.

– Значит, на литовского князя работал? – кивнул Киприан.

– Где Авахав, и где литовский князь, – отмахнулся рыжебородый. – Он хлопочет для тех эмиров, что в Крыму сидят. А вот куда они смотрят? Литовская граница у них под боком. Но ведь и до Болгарии рукой подать. А главная сила в Крыму – франки. Пусть сейчас они от хана в утеснении и осаде, да и промеж собой передрались, но ведь торговля идет! Через порты на Кавказе, в Болгарии, у Дуная. Деньги крутятся. Ты вот спрашиваешь, каким боком этот Авахав в наши церковные дела замешан? А кто этому Феодориту, когда ему в Константинополе от ворот поворот сделали, поддержку оказал? Своим умом он, что ли, дошел, что нужно к болгарскому патриарху подаваться? Да и в самом Тырново без благословения царя Ивана-Александра разве на такое решились бы? Без Палеолога здесь не обошлось. Ясно же, кто враги Кантакузину, те ему друзья.

– Теперь Кантакузина больше нет, – холодно напомнил Киприан.

– И что? – рассмеялся рыжебородый. – Небо на землю упало? Дунай вспять потек? Или пустое брюхо урчать перестало? Ты же ведь сам привез Каллисту письмо от Феодосия про неправды болгарской церкви. Для чего? На досуге почитать? Ни для кого не секрет, что дочку болгарского царя за сына Палеолога сватают. А уж тырновского патриарха тем более теперь заставят плясать под ромейскую дудку. Так что про Феодорита теперь и не вспомнят. Литовские дела снова будут решаться в Константинополе. Думаю, Ольгерд постарается использовать смену власти и выступит против митрополита Алексия, поставленного Кантакузиным и Филофеем. Скоро объявятся послы с большими деньгами.

– Думаешь, получится? – помрачнел Киприан.

– Палеолог стоит за унию с Римом. Думаю, постараются задобрить Ольгерда. Бросить ему кость. А то ведь еще отец его грозил уйти со всем царством в католики. Меня ведь снова в те края посылают. Вызвать русского митрополита к новому патриарху, а заодно переговорить с отцом Георгием о тамошних делах.

– Пердикой?

– С ним. Он к новому русскому митрополиту был в экзархи определен.

– В прошлом году ты на Русь зачем ездил?

– Все по тем же делам. Уговаривать, чтобы Феодорита не признавали. Только на тот раз в Новгород. К тамошнему архиепископу. Не с пустыми руками ездил. От патриарха Филофея вез почетные крестчатые ризы, а от императора грамоту с золотой печатью. Это все блеск, конечно. Самое главное, давалось новгородскому архиепископу право вести дела напрямую с Константинополем, минуя митрополита. Так что подчинение Москве или Литве становилось условной формальностью. Ему сейчас и весточку особую о новом патриархе посылать не будут. Известят через митрополита Алексия, а на самом деле – через экзарха Георгия. Только, что бы здесь ни решили, а без ярлыка Джанибека на Руси делать нечего. Кому-то ведь нужно и об этом хлопотать? Как раз этот Авахав по таким делам большой дока. Вот только каким боком здесь египетские благовония, ума не приложу.

– Ты не рассказал про других его хозяев, – напомнил я.

– Авахав служит крымским эмирам. А по вере он принадлежит к армянской церкви. Армян в тех краях много. Держатся дружно, друг другу помогают. В каждом городе у них своя диаспора. Торгуют по всей Орде и на Кавказе, в Трапезунде, в наших краях. На Волыни и в Литве. После того как турки захватили сирийские порты, много армян в те края подалось. В Золотой Орде всех привечают, гонений на веру там нет. Главное, плати хану налоги. В политику не лезут – не по силам. Но интерес общий блюдут крепко. У вас в Египте армянские купцы есть? Сирия ведь под рукой вашего султана. Не потому ли Авахав сразу бросился египетским купцам помогать, что есть там у кого-то дела в ваших краях?

Х. У страха глаза велики

Наш собеседник торопился на праздничное богослужение, и на этом наш разговор закончился. Рыжебородый убежал в храм по проходу, ведущему туда прямо из пристройки, а мы вышли на площадь, где толпился народ, устремлявшийся в Святую Софию через распахнутые двери. В такой сутолоке мы ни за что не нашли бы Савву, но он сам вынырнул из толпы. Указывая на пестрый праздничный поток, утекавший в сумрачную глубину церкви, как вода в воронку, купец старательно посочувствовал:

– Теперь, чтобы посмотреть изнутри, придется ждать окончания богослужения.

Предназначалось это явно Киприану, которого Савва, наверное, не ожидал увидеть выходящим с нами и теперь старался оправдать перед ним свое присутствие. Заметив озабоченность на наших лицах, он поинтересовался:

– Узнали что серьезное?

– Скорее еще больше запутались, – ответил я. – Про Омара ничего нового. Только про того Авахаву, что ему денег дал. Он еще обещал египетским послам помочь с приобретением рабов. Кроме того, он много занимается русскими делами.

– Ничего необычного, – беспечно отозвался Савва, – армяне – христиане. Поэтому всегда легко находят понимание у единоверцев. В Сирии и на Кипре то же самое. Им зачастую даже легче влезть туда, где католики с православными враждуют и никак договориться не могут. Неудивительно, что ушлый армянский купец сразу учуял выгоду, которая может выгореть на продаже благовоний для тамошних храмов.

– Тогда его заемное письмо может быть лишь способом завязать более тесную связь с торговым домом Тарик? – предположил Мисаил. – Получить долю с торговли ладаном?

– Сейчас армянская церковь все больше сближается с Римом, – завел свою песню Киприан. – Созвали даже особый собор, который должен был убрать все разногласия и привести к признанию власти папы. Такой же политики придерживается нынешний император Палеолог и его мать Анна Савойская.

Судя по тому, с каким ударением было произнесено имя Савойская, это имело некий особый и очень важный смысл. Уловив это, Мисаил сразу попытался повернуть разговор от церковных дрызг к обычной политике:

– В прошлом году, когда пропал Омар, был другой император и другой патриарх.

– Не нужно думать, что с переменой имен придет другая политика, – вздохнул Киприан, – все эти союзы непрочны и переменчивы. Православные легко объединяются с мусульманами, враждуют друг с другом. Те же сербы, болгары, греки. Католики-генуэзцы не на жизнь, а на смерть сейчас сцепились с католиками-венецианцами. Враждуют между собой и турки, точно так же отыскивая себе союзников среди христиан. Мне кажется, этот Авахав почему-то сильно заинтересовался Египтом. А это значит только одно – Египтом заинтересовался кто-то в тех краях. Для меня это темный лес. Что может быть общего между Золотой Ордой и Египтом?

Эти слова почему-то страшно развеселили Мисаила. Он даже громко рассмеялся:

– Что может сделать друзьями людей, у которых нет ничего общего, почтенный Киприан? – Слово «почтенный» было явно предназначено подчеркнуть образованность весьма молодого человека. – Враг! Общий враг! Враг моего врага всегда лучший друг!

– Похоже, ты прав, брат, – поддержал его Савва, – Египет издавна бьется с Персией, которая, как я слышал, сильно не ладит с улусом Берке. Так ведь называют в Египте царство Джанибека? Только мы зря торчим посреди площади и привлекаем к себе внимание. Мы же в величайшем городе мира! Предлагаю воспользоваться этим и подкрепиться в одной из здеш-

них харчевен, где можно заказать любые яства, достойные стола вельмож. Пусть при этом нас обдерут не хуже разбойников с большой дороги, но оно того стоит.

Потом он дал нам знак следовать за ним и решительно двинулся в ближайший переулок.

Мы отошли довольно далеко от Святой Софии и очутились в безлюдном месте, где в очень уютном дворике, увитом со всех сторон цветами, смогли насладиться спокойствием и превосходным обедом. Правда, ничего особенного обещанные королевские яства собой не представляли. Изысканность им пытались придать немислимым количеством дорогих пряностей, а роскошью должны были послужить разнообразные сладости с обилием меда. Лучше бы я ограничился только ими!

Разве могло все это сравниться в моих глазах, глазах человека, выросшего в Каире, с высоким искусством наших непревзойденных поваров! Увы, моим главным впечатлением от константинопольских яств остались ощущения совершенно не кулинарного свойства. Когда мы, пообедав и наговорившись, посетили, наконец, храм Святой Софии, в котором уже не было богослужения, в тот самый священный миг, когда душа моя воспарила ввысь от созерцания прекрасного купола и я уже не знал, подобно древним русам, на небе я или на земле, мой желудок придал моим мыслям самое низменное направление. Он явно и недвусмысленно протестовал против съеденного накануне. Мне стало не до красот горнего мира. Даже не взглянув на великолепные росписи и неземное сияние мозаик, я почти бегом устремился к выходу. На беду, я ничего не сказал своим спутникам о причине столь стремительного отступления, что помешало мне выбрать нужное направление. Когда живот прихватило окончательно, я оказался слишком далеко от спасительной общественной уборной.

На мое счастье, Савва немедленно распознал причину моего неуважения к божественной красоте. Он сразу схватил меня за рукав и потащил к величественному зданию, возвышавшемуся напротив собора. Так я, сам того не желая, осмотрел еще и древний дворец императоров ромеев. Увы! Здание, где некогда жили могущественные повелители полумира, где принимали послов и решали судьбы царств, теперь стояло заброшенным и служило отхожим местом для тех, кого, как и меня, прихватила сугубо земная нужда.

– *Sic transit gloria mundi*, – только и изрек по этому поводу на латыни Мисаил. И перевел: – Так проходит земная слава.

Как истинный ученый он без труда сразу определил причину постигшего меня несчастья. Кухня больших городов имеет тот недостаток, что здесь трудно раздобыть свежие продукты. Скот, бойни, рыбаки с уловом, огороды зеленщиков зачастую оказываются сильно удалены от лавок, где продается их продукт. Нередко его везут, хранят и перекладывают не один день, прежде чем он оказывается на столе. Несвежесть, а то и прямую порчу искусно скрывают пряностями, уксусом, нередко обрабатывая известью. Искусный повар легко придаст с помощью маринада приятный вкус даже тухлому мясу, но обмануть желудок бывает труднее, чем обоняние. Кроме того, в отличие от своих сотрапезников, я не запивал кушанье обильным количеством вина.

Судьба подчас довольно безжалостно смеется над людьми. Так вот получилось, что именно это происшествие осталось моим самым запомнившимся из пережитого в одном из величайших и прекраснейших городов подлунного мира. Хотя, как знать – хорошо это или плохо? Если бы не испорченная говядина, разве провел бы я целых полчаса в уединении и размышлении в закоулке таинственного заброшенного дворца земных владык?

Обдумывать было что. Ведь едва мы уселись за стол в харчевне и приступили к трапезе, заговорил Симба. Мне показалось, что он сделал это впервые с тех самых пор, как мы оставили дом моего деда в Каире. Этот безмолвный истукан мог не произносить ни слова неделями. Словно тень, он всегда оставался где-то за спиной, быстро и незаметно делая свое дело. Что-нибудь подавал или забирал, поддерживал или подавал руку в нужное время, не привлекая внимания и не мозя глаза. Он соглашался со сказанным кивком головы, не издавая ни звука

и умудряясь быть невидимым, всегда оставаясь на глазах. Говорил он так же, как делал, – спокойно, уверенно и весомо.

Симба рассказал про то, что было известно всем, но на что никто не обращал внимания. Про то, на чем держалась сила и могущество египетских султанов. Кто не знал, что это грозные мамлюки, воины-рабы, покупаемые на невольничьих рынках и выученные в специальных военных школах? Из них состояло войско, они были дворцовой стражей, становились эмирами и вельможами, свергая и возводя на престол султанов и правителей. Наш слуга сам провел несколько лет в отдаленном сирийском замке, обучаясь боевому искусству, и хорошо знал закрытый мир мамлюков и гулямов. Некоторые его товарищи тех времен теперь служили в гвардии самого султана.

Кому, как не ему, было напомнить нам, на чем держалась мамлюкская сила.

Невольники, пополняющие ряды учеников военных школ, попадали туда из тех самых краев, в которые мы направлялись.

Ислам запрещает держать в рабстве единоверцев, поэтому с давних пор владыки правоверных окружали себя бывшими язычниками, привозимыми издалека. Самыми лучшими воинами всегда считались тюрки и черкесы. В суровых северных краях трудно прокормить много людей, и родители часто сами продавали мальчиков работоторговцам, чтобы спасти их от голодной смерти.

Вот так со временем и получилось, что вся армия правителей Египта стала состоять из черкесов и кипчаков. Они жили в отдельных казармах, держались друг за друга, имели своих командиров и поддерживали эмиров, вышедших из их среды. Черкесы жили в городской цитадели, по наименованию башен которой их называли бурджитами. Казармы кипчаков стояли на острове, отчего получили прозвище речных. Бахритов.

От того, как привозят рабов с берегов Сугдейского моря, зависело само существование египетской армии. Об этом знали все. Как и о том, что между бахритами и бурджитами нередко случались трения.

Хотя Египтом уже давным-давно правили кипчаки. Еще с тех пор, когда славный султан Бейбарс, привезенный мальчиком на невольничий рынок, вознесся к самым вершинам власти. На то были свои причины.

После войны в Великой Степи, когда орды Потрясателя Вселенной сминали копытами своих коней царства и народы, невольничьи рынки были переполнены кипчакскими рабами. Тогдашние владыки Египта воспользовались этим, чтобы укрепить свою армию.

Кипчаки отразили нашествие казавшихся непобедимыми монголов, сбросили в море крестоносных рыцарей. Потом настал черед самих султанов, прятавшихся от своих подданных за спинами чужеземных рабов. Власть всегда у того, у кого сила.

Сто лет Египтом правят султаны, вышедшие из мамлюков-кипчаков.

Только плох тот правитель, что соглашается оставаться игрушкой в руках своих приближенных. «Разделяй и властвуй» – так с древних времен говорит наука управлять. Уже первые султаны из мамлюков, хоть и были сами кипчаками, стали закупать черкесских рабов, быстро создав в дворцовой цитадели другую гвардию. Все было хорошо, пока в дело не вмешались события на далеких торговых путях.

Хан Тохта изгнал франков из своего царства и запретил им покупать рабов. На невольничьих рынках теперь стали продавать только черкесов, привезенных с Кавказа, который не подчинялся владыке улуса Джучи. Год за годом росли и крепили отряды бурджитов на берегах Нила.

У кого сила – у того власть. Одно дело, когда черкесские мамлюки помогали держать в узде своих кипчаков. Другое, когда они все крепче стали забирать в руку самую узду. Кто знает, чем бы все закончилось, не смени хана Тохту его племянник Узбек, восстановивший

прежнюю торговлю. Правивший тогда султан Насир быстро восстановил бахритское войско, а число черкесов сократил до самого малого количества. Однако память об этом осталась.

Древний мудрец сказал: «Все возвращается». Лет пятнадцать назад хан Джанибек снова поссорился с франками. Изгнал их из своих городов и осадил их крепости. Снова год за годом в военные школы стали поступать только невольники с Кавказа. На беду, в то же самое время после смерти султана Насира началась борьба за власть между его многочисленными сыновьями от разных жен. Снова зазвучало веское слово усилившихся бурджитов.

Дело дошло до того, что черкес Гурлу совсем прибрал власть при султани Хаджи. Правителю было всего четырнадцать лет, и он, хоть и принял звучный титул аль-Малик аль-Музаффар, предпочитал проводить время, сидя на голубятне или развлекаясь созерцанием пыток, благодаря чему казна оказалась в руках доверенного эмира. Тот не стал тратить время даром и принялся, не жалея средств, закупать черкесских рабов. Оставалось только ждать, когда яблочко само упадет в руки. Когда знатные эмиры попробовали воззвать к разуму несмышленного султана, тот оторвал голову голубю и сказал: «Так будет с каждым, кто посмеет мне перечить».

Он был молод и глуп. Ему было невдомек, что не только власть рождает силу, но и сила – власть. Времени понять эту истину у юноши не оказалось. Почуввав угрозу, эмиры убили Гурлу. Прямо на молитве. Когда идет речь о власти, не до шепетильности. Вскоре вослед за ним отправился и любивший голубей султан. Сменивший его брат аль-Хасан первым делом продал купленных предшественником черкесов.

Пришедшая вслед за этим чума окончательно выкосила новое войско, оказавшееся в западне в своих запертых казармах.

Теперь нужно было восстанавливать армию. Для этого требовались новые рабы, а франки везли только черкесов. Вот почему прошлогодняя поездка в царство Джанибека была такой важной. Армия нуждалась именно в рабах-кипчаках. Не надо быть великим мудрецом, чтобы понять – закупка рабов в Золотой Орде, минуя франков, наносит последним невосполнимый ущерб. Кто в выигрыше? Перевозки могут забрать себе греческие корабли, да и среди мусульманских мореходов полно таких, кто охотно начнет ходить к далеким крымским берегам.

Может, эту торговлю хотят оседлать вездесущие армянские купцы? Не зря же в дело встрял этот Авахав?

Мне вспомнилось, как дед не хотел участвовать в закупке рабов. Только настойчивость Омара и трудное финансовое положение заставили его согласиться на это предприятие. Рабы для армии – это не просто торговля. Это политика, где так легко наступить ненароком на мозоль сильным мира сего. «Тебе не нужно никуда совать нос! Я тебе это строжайше запрещаю!» – всплыли в памяти слова деда. Но как не нарушить запрет, если все эти путаные дела сами буквально хватают тебя за нос?

Вот обо всем этом я и думал, сидя в своем невольном месте отдохновения, под суровыми взглядами древних мужей, взиравших на меня с расписного потолка.

Слушавший этот рассказ Савва только покачивал головой. Видно было, что в ней тоже не было ясности. Когда Симба замолчал, он развел руками:

– Рабы из Золотой Орды укрепляют египетскую армию. Египет – первый враг армянского царства. А этот Авахав ведь помогал купцам.

– Они благополучно вернулись прошлой осенью с товаром и большой выгодой, – подтвердил я.

– Армяне тоже не все заодно, – вздохнул Савва. – Некоторым не нравится дружба их правителя с франками и объединение с католиками. Особенно тем, кто живет там, куда не достают руки их царя Константина. Так ведь часто бывает: «Враг моего врага – мой друг».

– Тогда вполне логично предположить, что этот самый Авахав, коль он помог египетским купцам купить рабов, также помог и Омару, – сделал вывод Мисаил. – Мы все время исходим

из предположения, что с Омаром случилось что-то, связанное с этим заемным письмом. Ведь сама наша поездка вызвана им. А разве не может быть, что его исчезновение и письмо никак не связаны между собой? Если так, то все наши опасения и домыслы беспочвенны.

– Хочешь сказать, что я только зря напугал вас и запутал с этим письмом, которое корабельщик отослал генуэзцам в Лимасоле? – почесал затылок Савва.

– Проверить это нет никакой возможности, – улынулся Мисаил. Потом помрачнел и добавил: – Это как раз тот случай, когда бритвой Оккама можно порезаться.

– Чем? – встрепенулся купец при слове «бритва».

– Есть такой философский принцип, названный по имени одного ученого с Запада. Он гласит: «Не умножай сущности без необходимости». Проще говоря – не выдумывай лишнего. В данном случае все можно объяснить страхом, вызванным нашими ложными домыслами. Но, если домыслы окажутся верными, это грозит смертельной опасностью.

– Тем более, что мы даже не представляем, откуда она может исходить, – согласился я.

Тогда снова разомкнул уста Симба:

– Лучше таскать кинжал, когда он не нужен, чем если его не окажется, когда он необходим.

XI. Рынок благовоний

Савва ждал меня в одном из переходов заброшенного дворца, дабы я ненароком не заплутал в глубине величественных руин. Он уже явно притомился и даже немного озаботился длительностью моего вынужденного отсутствия. Мне же уединение пошло на пользу. Пока мы снова не выбрались на улицу, где нас дожидались наши спутники, я, воспользовавшись случаем, спросил:

– Почему Киприан так упорно следует за нами? Он довольно пристрастно расспрашивал того монаха, похоже, его эта история действительно заинтересовала?

– Не забывай, что все это произошло уже после того, как он доложил о вас кому-то наверху. Скорее всего это их интерес, а не его. Тому может быть много причин, взять хоть то же письмо Филофею. Ты же понимаешь, что твой дед с патриархом не закадычные друзья. Их объединяет вполне обычный интерес. Выгода, говоря по-купечески. Тут и торговля ладаном, который всегда нужен, и нужные влиятельные знакомые в Египте. Под рукой вашего султана и Святая земля с Иерусалимом, и гора Синай со знаменитым на весь христианский мир монастырем. Туда постоянно ездят и паломники, и посланники от всех церквей. Да и ордынские дела патриарха и его людей очень и очень интересуют. Почему, ты теперь уже и сам знаешь. Тебе Киприан все уши прожужжал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.